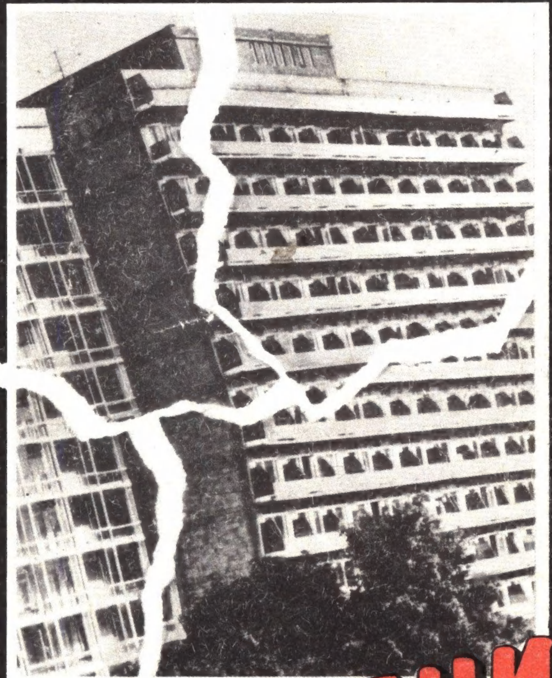
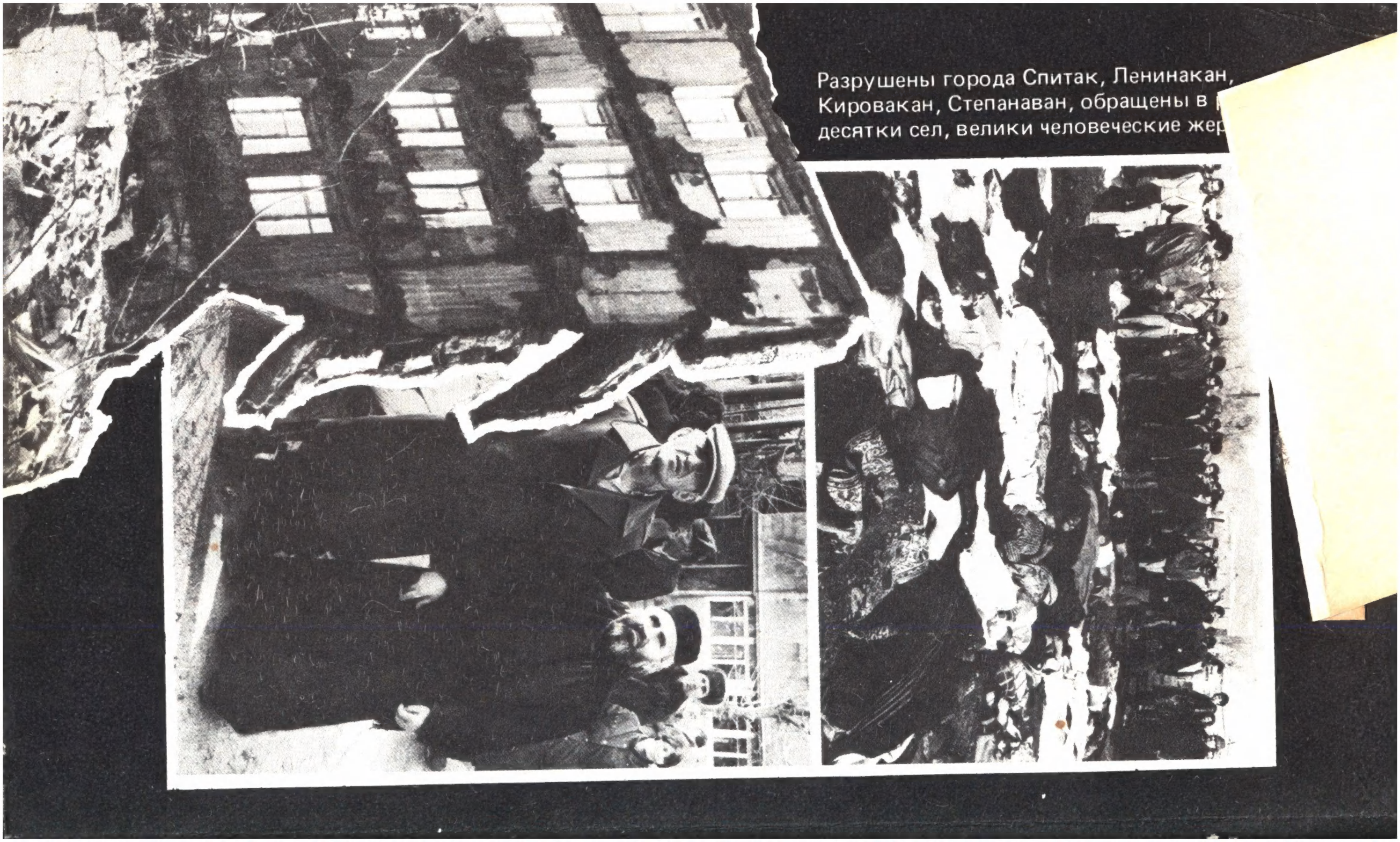
М. Крушинский
А. Проценко

ДНИ СКОРБИ И МУЖЕСТВА

7 декабря 1988 года в северных районах Армении произошло землетрясение гигантской разрушительной силы



АРМЕНИЯ декабрь 1988 г.


Разрушены города Спитак, Ленинакан,
Кировакан, Степанаван, обращены в р
десятки сел, велики человеческие жер

М. Крушинский
А. Проценко

ДНИ СКОРБИ И МУЖЕСТВА

АРМЕНИЯ ДЕКАБРЬ 1988 г.

Москва "Мысль" 1989



ББК 66.3 (2 Ар) 6
К 84

РЕДАКЦИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ

Оформление художника
А. А. БРАНТМАНА



К $\frac{0803010300-052}{004 (01)-89}$ Без объявл.

ISBN 5-244-00458-1

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Была среда, 7 декабря 1988 года. Приближался полдень. Мы, двое авторов настоящих записок, находились в ереванском корпункте газеты "Известия" и готовились передавать в редакцию очередной материал о ситуации в Ереване и других городах Армении.

Накануне в 16 из 37 районов республики было введено особое положение и комендантский час. Местные газеты опубликовали обращение коменданта особого района генерал-лейтенанта В. Самсонова к гражданам Армении. Генерал подчеркнул, что указанные меры продиктованы суровой необходимостью и направлены на защиту интересов, прав и достоинства людей. Обстановка в целом ряде районов республики характеризовалась как напряженная, чреватая опасными последствиями...

Поводом для нашей командировки явилось обострение межнациональных отношений между Арменией и Азербайджаном. О ситуации тех действительно тревожных дней мы и рассказывали в своих ежедневных телеграммах из Еревана на протяжении уже почти двух недель. Наша информация печаталась на страницах "Известий" — события, мнения о путях выхода из кризиса...

Материал, о котором в данный момент идет речь, тоже предназначался для публикации — в номере за четверг, 8 декабря, но, в отличие от предыдущих, он так и не дошел до читателей. И не мог дойти, хотя был передан нами аккуратно и в срок. Но это теперь мы сознаем, что не мог, а когда писали свой отчет — не понимали. И, передавая его по телетайпу в Москву, тоже не понимали, хотя к тому моменту уже произошло событие, сразу отодвинувшее на второй план все то, ради чего редакция направила нас в Ереван. Мы уже знали о нем, только не подозревали о его масштабах. И это наше первичное, микроскопическое знание отразилось в телеграмме, отправленной в редакцию 7 декабря 1988 года. В самом конце мы сделали маленькую приписку:

Для редакции

В Ереване нынче утром имели место весьма ощутимые подземные толчки. Соберем полную и точную информацию — дадим отдельную заметку.

Тогда нам еще казалось, что все самое важное, о чем необходимо в срочном порядке и как можно подробнее известить читателей, заключено в нашем отчете о политической обстановке в республике. Подземный же толчок восприни-

мался как нечто "попутное", к главным событиям отношения не имеющее и потому заслуживающее в лучшем случае небольшой информационной заметки. Мысленно мы уже прикидывали ее текст — буквально несколько фраз с привычной концовкой: "...жертв и разрушений нет".

Рассуждая подобным образом, мы инстинктивно, сами того не замечая, старались подавить в себе совсем еще свежие воспоминания о только что пережитом. Когда вздрогнули стены, закачалась люстра и сами кресла, на которых мы сидели, вдруг потеряли опору и словно бы поплыли под нами, мы сразу поняли, что происходит. Опыт есть опыт: каждый из нас — кто в Средней Азии, кто на Камчатке — уже хотя бы раз испытал нечто похожее. Однако все то, прошлое, было гораздо слабее нынешнего.

Теперь, пожалуй, можно признаться: в какой-то момент мы по-настоящему, всерьез испугались. Прежний опыт подсказал, что подземный толчок есть нечто "единовременное", мгновенное: тряхнуло — и баста, случившееся осмысливаешь уже задним числом. На этот раз было иначе. В течение как минимум полминуты мелкая дрожь, то ослабевая, то вновь нарастая, сотрясала стены, пол, потолок. Казалось, мы чувствуем, как "ходят", раскачиваясь, все "суставы", все сочленения многоэтажного дома. Ну как не выдержат — разойдутся в каком-то месте какие-то пазы?.. Профессиональное воображение позволяло нам достаточно ясно "увидеть": вот что-то треснуло в верхнем углу нашей комнаты, хлынула вниз штукатурка и массивное потолочное перекрытие, обнажившись, как кость в открытом переломе, начинает сползать, кроша стену и увлекая на наши головы кренящиеся этажи...

Но вот все стихло, и мы облегченно расслабились, вытирая вспотевшие ладони о подлокотники вновь обретших устойчивость кресел. Один из нас, наиболее дошлый по части землетрясений, сказал, что через несколько минут надо ждать повторной, "обратной" волны. И оказался прав: мелкое дрожание вскоре возобновилось, но то было лишь бледное эхо первого приступа. После этого все затихло. Только во дворе надрывалась гудками чья-то машина — по-видимому, от сотрясений сработало противоугонное устройство.

Дальнейшие наши действия были направлены на выполнение двух задач: той, что рассматривалась нами как безусловно главная, — передача по телетайпу в Москву заготовленного текста о политической обстановке в республике, и той, которая, даже несмотря на пережитый каждым из нас тайный страх, еще представлялась чем-то второстепенным, необязательным, — выяснение подробностей о подземных толчках: сколько баллов, где эпицентр? Ведь "готова" была пока лишь концовка будущей заметки насчет отсутствия разрушений и жертв.

Однако если с первой задачей мы справились быстро и вполне успешно (дополнив свой отчет уже известной припиской "Для редакции"), то со второй все оказалось не так-то просто. Никто ничего толком не мог нам сказать. Да, в Ереване толчок ощутили все (еще бы!), но ничего страшного как будто бы не произошло. Так нам сказали в горисполкоме, и это вполне соответствовало нашим ожиданиям. Но более точной, а главное — стопроцентно достоверной информации нам нигде не дали.

Было лишь ясно, что Ереван устоял. Ни жертв, ни серьезных разрушений. И слава богу! Так и хочется написать это слово по-старинному, с заглавной буквы. Мы, своими глазами видевшие города и поселки, которые не устояли, слишком явственно представляем себе...

Нет, этого лучше даже не представлять!

Впрочем, счастливо (если вообще применимо в данном случае это слово) все обошлось не только для Еревана. Наш первый телефонный звонок после толчка был даже не в горисполком столицы, а в дирекцию Армянской атомной электростанции, расположенной в 45 километрах отсюда. Там тоже ощутили сотрясение и тоже, к счастью, все кончилось благополучно. Надо ли объяснять, какого масштаба катастрофы удалось избежать не только нашей стране, но, может быть, и соседним государствам? Уже на следующий день общественность Армении стала требовать немедленного прекращения работы АЭС — вдруг толчки повторятся? Энергетики объяснили, что остановить станцию вот так, сразу, невозможно технически, но и они признали: всякая, даже малейшая, возможность трагедии должна быть здесь исключена на сто процентов.

Но все это станет известно позднее — завтра, послезавтра, а в среду, 7 декабря, после полудня, мы тщетно пытались раздобыть по телефону сколько-нибудь вразумительную информацию. Одни номера молчали, другие были явно заблокированы. Если же нам удавалось дозвониться куда-нибудь, то там тоже толком никто не мог ничего сказать. Так же, впрочем, как и мы сами, когда кто-то из читателей "Известий" дозванивался до корреспондентского пункта. Поначалу эта неясность, как ни странно, действовала на нас успокаивающе. Видно, подспудно сработала мысль: случись что-нибудь серьезное — все бы сразу об этом узнали. Но вот опять зазвонил телефон, один из нас поднял трубку, и впервые на нас повеяло пока что едва уловимой, совершенно неправдоподобной средь бела дня и ясного неба жутью.

Говорил женский голос, довольно спокойный, во всяком случае без какой-либо истерической нотки:

— "Известия"?

— Да, да...

— У вас, в Ереване, сколько баллов? Вы живы?

— Еще сами не знаем. То есть живы, конечно, но про баллы еще не знаем. А у вас? Вы откуда?

— А мы тут все умираем...

— То есть как?! Вы откуда звоните? Алло!..

Но трубка уже пищала короткими гудками... Что это было? Нелепый розыгрыш? Даже в тот момент, еще не располагая ровным счетом никакой информацией, мы сразу отвергли эту версию — почему-то не вязался услышанный голос с пошлым, бездарным юмором. Тогда что же? Судя по всему, звонили не из Еревана, хотя слышимость была отличная. Но что значит "мы умираем"? Как тогда добрались до телефона, и вообще?..

Видимо, тот звонок навсегда останется загадкой. Но, так или иначе, от нашего спокойствия не осталось и следа, мы вновь начали лихорадочно звонить в разные инстанции и в конце концов дозвонились в Верховный Совет Армении. Чей-то голос, на сей раз мужской, сообщил нам, что на севере дело, кажется, серьезное, есть разрушения, а в Спитаке — даже и погибшие, по предварительным данным — 120 человек. Голос назвал именно эту цифру. Пройдет всего несколько часов, и станет ясно, что в ней заключено чудовищное преуменьшение, но в тот момент самый факт простого, почти официального признания человеческих жертв ошеломил нас. Решив ввести в курс дела редакцию, мы тут же испытали новое потрясение: связь с Москвой отсутствовала — и телефонная, и телетайпная, в чем мы, естественно, не преминули убедиться.

Забегая вперед, скажем: связь вскоре восстановилась, хотя и не в полном объеме. Но мы уже нисколько не сомневались в причинах ее внезапного исчезновения. И снова, уже более ощутимо, потянуло на нас какой-то потусторонней жутью. Надвигалась беда, не идущая ни в какое сравнение со всем нашим жизненным и профессиональным багажом. Еще почти ничего не зная, мы почувствовали, что с этого момента наша командировка в Армению обретает новый смысл.

Словно в подтверждение этой догадки вдруг замолчало радио. Естественно, сразу после толчка мы включили его и настроили на местную волну — шла какая-то обычная, предусмотренная программой передача. Теперь она была прервана, и диктор сказал, что вскоре будет передано чрезвычайное сообщение. После этого довольно долго, может быть с час, в эфире звучала обычная программа, в которую время от времени вклинивался голос диктора, настойчиво напоминавший: "Ждите чрезвычайного сообщения..." Наконец оно было зачитано сперва по-армянски, затем по-русски. Воспроизводим полностью его текст по магнитофонной записи:

"7 декабря сего года в 11 часов 50 минут в Армении произошло сильное землетрясение, охватившее ряд районов республики. По предварительным данным, есть разрушения, человеческие жертвы, раненые. Особенно пострадали города

Ленинакан, Кировакан, Гугаркский, Степанаванский, Спитакский и прилегающие к ним районы. Армянская АЭС и предприятия химической промышленности столицы не пострадали.

Создана правительственная комиссия, которую возглавляет Председатель Совета Министров Армянской ССР Ф. Саркисян*. Ответственные работники ЦК Коммунистической партии Армении и Совета Министров республики выехали в соответствующие районы. Пострадавшим оказывается медицинская помощь. Принимаются меры по обеспечению пострадавших от землетрясения питанием, одеждой, медикаментами. В районы, пострадавшие от землетрясения, выехали находившиеся в Армении заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Щербина и первый секретарь ЦК Коммунистической партии Армении С. Арутюнян.

Центральный Комитет Компартии Армении, Президиум Верховного Совета и Совет Министров Армянской ССР призывают граждан республики не поддаваться панике, соблюдать организованность и порядок. Все силы будут мобилизованы для оказания помощи районам, пострадавшим от землетрясения".

Судя по всему, информации пока что было не очень много, разве что географические названия... Быстро прикинули: ближайшая из наиболее пострадавших точек — райцентр Спитак. От Еревана до него — сотня километров, на редакционной "Волге" — всего час с небольшим. Вдруг вспомнилось: мы ездили туда совсем недавно, дня четыре назад, говорили с только что утвержденным первым секретарем райкома партии Нориком Мурадяном. В районе было неспокойно: приехали беженцы из Азербайджана и наоборот — местные жители-азербайджанцы покидали или готовились покинуть Армению.

Норик Мурадян... Как он там, что у него? Вспомнился его рассказ о той, "вчерашней" ситуации — спокойный, мужественный, откровенный. Пытаемся дозвониться в Спитак — связь явно отсутствует. Тогда мы еще не знали, что "отсутствует"... сам этот город. И конечно, не могли знать о драматической, почти неправдоподобной судьбе первого секретаря райкома...

Но мы уже спешили вниз по лестнице, к машине, навстречу этому знанию. Нам вслед доносился передаваемый по радио призыв Минздрава Армении ко всему медицинскому персоналу республики находиться на рабочих местах.

ВСЕ ЕЩЕ НЕ ВЕРИМ

Корпунктовская "Волга" резко срывается с места — мы и так уже потеряли немало времени.

---

* Находился на посту Предсовмина Армянской ССР до конца января 1988 г.

Судя по всему, большинство ереванцев тоже еще ничего не знают: ни встревоженных лиц, ни озабоченности водителей встречных и попутных автомашин. Здесь, надо сказать, не очень жалуют правила дорожного движения, хотя большинство шоферов и автовладельцев водят машины просто мастерски — иначе на каждом углу стояли бы вдрызг разбитые жертвы дорожных аварий.

Да, известие о происшедшем город пока не облетело. Впрочем, время-то рабочее. Многих ли чрезвычайное сообщение застало у радиоприемника или телевизора? А то, что столицу республики тоже "тряхнуло", так ереванцам к этому не привыкать, ведь Армения — горная страна. Внимательно смотрим вокруг и не видим никаких разрушений, ну абсолютно никаких! Мы рвемся к окраине, но по заполненным машинами и людьми улицам быстро не проедешь. Иногда, не выдержав, наш шофер Эдик на секунду врубает подкапотную "сирену", и прохожие недоуменно оглядываются: куда торопятся эти чудаки, вроде бы не пожар?..

Мы тоже начинаем сомневаться в реальности происходящего, хотя понимаем, что чрезвычайные сообщения так просто не передаются. Да и наши ощущения во время землетрясения были не из разряда обычных.

...Позже мы узна́ем, какая опасность угрожала столице Армении, ведь большинство построенных здесь зданий рассчитано на сейсмостойкость в восемь баллов по двенадцатибалльной шкале. К счастью, на долю Еревана их пришлось шесть с половиной...

Но это будет потом, а пока мы, вырвавшись наконец из города, на предельной скорости неслись по шоссе, ведущему в Спитак. Чувство нарастающей тревоги подгоняло нас, а идиллическая сельская картина по сторонам по-прежнему приводила в недоумение: не могло же так случиться, чтобы здесь все было нормально, а чуть дальше — трагедия.

А вокруг действительно спокойно. Отличное шоссе, нормальный, ничем не затуманенный пейзаж справа и слева — аккуратные домики с палисадниками, то здесь, то там — люди, занимающиеся самой что ни на есть обычной, будничной работой. Над головой — голубое небо с ослепительно белыми в свете солнечных лучей облаками, птицы...

И вдруг полоснули по глазам зажженные фары и мигающие аварийные "габаритки" встречной машины, несущейся со скоростью наверняка "за сто". В последний момент успеваем заметить на заднем сиденье "жигуленка" чьи-то забинтованные головы. Через минуту — еще встречная, на этот раз медицинский "рафик" с включенными сиреной и "мигалкой". Опять "рафик"... И еще... Снова частный "жигуленок", шофер которого без конца нажимает на сигнал. А вот чья-то личная "Волга", идущая на обгон на предельной скорости, хотя на

заднем сиденье машины набралось не меньше четырех человек...

Поток встречных машин становился все гуще, и это добавляло тревоги, хотя вокруг царили мир и спокойствие. Но уже чувствовалась обманчивость этого внешнего благополучия. И наш Эдик — памятник бы ему поставить за ту поездку — увеличивает скорость. Теперь маневрировать становится намного труднее: приходится пропускать встречный поток машин, каждая из которых стремится вырваться вперед, и самим обгонять попутные автомашины, неспособные развить такую же скорость, как у нас. Но это не спортивные гонки, а совсем другие. Гонки со смертью? Но она, судя по всему, уже прошлась своей косой там, впереди. Чем ближе к Спитаку, тем чаще аварийные огни встречных машин. Мы уже научились различать за стеклами наспех забинтованные головы, руки, раскрывшиеся в горестном крике детские рты.

Вдруг нашу машину резко кидает в сторону...

— Смотрите! — только и успевает выкрикнуть Эдик, выровняв руль. — На дорогу смотрите...

И даже на бешеной скорости мы замечаем какие-то рваные черные полосы на глади шоссе. Вдоль, поперек, наискось... Наконец понимаем: разорван сам асфальт! Трещины неширокие, максимум в ладонь, но пронизывают всю толщу дорожного полотна. Как будто кто-то громадный и сильный двумя руками переламывал саму дорогу, как горбушку зачерствелого хлеба, да так и оставил ее надломленной.

А вокруг начинает меняться и сам пейзаж. Вот опорная стена, из которой вывалилось несколько блоков черного туфа — одного из главных строительных материалов "страны орущих камней", как кто-то назвал Армению. Стенка старая, и блоки старые, и непонятно, вывалились они пару лет назад или только что... Вот пристройка к деревянному дому, тоже каменная, то ли еще не законченная, то ли полуразрушенная. Вдали видны длинные ряды каких-то коровников, и среди них мы вдруг замечаем ушедшую в землю чересчур "волнистую" крышу: подземное хранилище, что ли? Чуть дальше — такой же коровник, но как бы состоящий из двух половин: одна — обычная, вторая... Второй просто нет, а есть лежащая прямо на земле крыша. Неужели?..

И — первое страшное свидетельство реальности происшедшего: двухэтажный дом у самой дороги. Совсем новенький, он, должно быть, выстроен в нынешнем, максимум в прошлом году. Затейливой архитектуры, с кокетливыми башенками по углам, весь из розового туфа, он вызывал ощущение какой-то удивительной воздушности, легкости. Его строили с любовью и мастерством, но не помогли ни умение, ни желание сложить для семьи уютный и надежный дом-крепость. Угловые башенки обвалились, рухнула часть фасадной стены, пе-

рекосился узорчатый балкон... У самого дома застыл на своей последней стоянке голубой "жигуленок", сплюснутый, раздавленный вывалившимися из стены туфовыми блоками. И поблизости — ни души.

А прямо по ходу движения, уже на левой стороне дороги, показалось еще одно свидетельство разразившейся катастрофы — бывшая автобусная остановка с каменным павильоном. Многотонный навес обрушился, разбросав по всему "карману" у дороги и на дорожном полотне свои черные камни. И беззвучным криком белели среди них необхватные, сочные капустные кочаны. Где их хозяин? Или хозяйка? Живы ли, целы ли?..

Мы со страхом вглядывались вперед, за перевал, откуда нескончаемым потоком неслись легковушки, автобусы и даже самосвалы с ранеными, искалеченными людьми. По сторонам все чаще мелькали полуобвалившиеся домишки, разломленные, вывороченные обелиски, и все больше трещин змеилось по запыленному асфальту. На обочинах сидели мужчины и женщины с отрешенными лицами и смотрели куда-то вдаль. Мы въезжали в Спитак...

ГОРОД-КЛАДБИЩЕ

Это было очень похоже на войну, которую нам довелось видеть только в кино, — разбомбленные дома, засыпанные обломками зданий улицы и беженцы, бредущие в пугающую неизвестность. И хочется посмотреть наверх — не летит ли "юнкерс" с новым грузом бомб, и ищешь где-то на уцелевших стенах черную надпись: "Бомбоубежище".

Здесь все было так — и все иначе. Не знаем почему, но мы не увидели в Спитаке ни одного дерева — может быть, они просто скрылись в серо-черной пыли, а возможно, глаза выхватывали лишь то, что совсем недавно, каких-нибудь три часа назад, было творением человеческих рук.

Веером висящие панели на единственной, чудом сохранившейся стене девятиэтажки. Они, казалось, до сих пор раскачиваются, будто белье на ветру, приоткрывая взору обломки книжного шкафа, розовый абажур, висящий в простенке "ни на чем", но почему-то целый телевизор. А за стеной — просто груда мусора высотой этажа в три. Другой дом, уцелевший примерно на одну треть — внутреннюю, с полностью разрушенными соседними секциями. Да и оставшаяся часть — сплошной обломок чьих-то жизней, с порушенными внутренними перегородками, пробитыми и проломленными потолками, зажатым между панелями ватным полуобгоревшим одеялом.

Справа — остов школы... Да-да, именно остов, зияющий

выбитыми окнами и поваленными стенами между классами, выглядывающими из трещин и щелей партами и столами... Потом мы узнали, что из восьми спитакских школ только эта, единственная, построенная всего лишь в прошлом году, не развалилась сразу как карточный домик. После первого толчка, когда еще, как в лихорадке, тряслась земля и отрывались от стен панели, ребятишки пытались прыгать со всех четырех этажей вниз, потому что первыми в школе рухнули лестничные марши и никто не знал, сколько секунд еще продержатся плиты перекрытий. А земля все дрожала, и у стен росли кучи мусора, валившиеся от той же самой школы. Прыгать было уже легче, но не у всех хватало храбрости: ведь даже два этажа — это очень высоко для семи-восьмилетнего малыша. Многие сгрудились у окон, заходясь в плаче. Потом к школе прибежали милиционеры и стали ловить падающих детей, хотя сами понимали, что в любой момент могут обвалиться стены и тогда ловить будет некого и некому.

Всего четырех-пяти минут не подождала Земля, содрогнувшаяся ровно в 11.41. Почему ей так не терпелось? В 11.45 в школах должен был прозвенеть звонок на перемену, и наверняка почти все ребятишки с шумом и гамом ринулись бы на улицу — побегать, поиграть, подурачиться. Так тепло было в тот день в Армении, так солнечно, что никто не захотел бы оставаться в классах. Но каменное сердце оказалось у Земли, и она ударила по самому дорогому, что есть у людей...

Потом будет подсчитано, что в момент землетрясения из 20 тыс. жителей Спитака под ставшими вдруг предательски непрочными крышами в школах и детских садах, в больницах и на предприятиях находилось не менее 16 тыс. человек. Рухнуло все. Из 19 ответственных работников Спитакского райкома партии, например, в живых осталось лишь пятеро, в том числе один тяжелораненый, с трудом извлеченный из-под обломков. Целый месяц доставали тела погибших из-под развалин элеватора и мелькомбината. В руины превратилась гордость города и, пожалуй, всей республики — Спитакское производственное швейное объединение, чья продукция без проблем шла на экспорт. И здесь под обломками остались очень и очень многие. Сколько? Тогда мы еще не знали этого. Впрочем, точных цифр нет и теперь, когда мы готовим эту рукопись к печати. А в тот момент...

В тот момент мы готовы были проклясть нашу профессию, которая привела нас сюда без всякой возможности хоть чем-нибудь помочь людям. Оставалось лишь смотреть и запоминать увиденное. Вот эту женщину, которая шла между камней, ничего не замечая вокруг. Робкая улыбка скользила по ее еще молодому лицу, и какая-то рваная кофта была накинута с царственной небрежностью. Пританцовывая на ходу, она порой останавливалась и начинала медленно кружиться, напе-

вая что-то по-армянски. Ее пытались остановить, куда-то отвести, успокоить, но, легко уклоняясь от заботливых рук, она выскальзывала и шла дальше, все так же чуть растерянно и загадочно улыбаясь и напевая, может быть, свадебную песню... Несчастная сошла с ума, мгновенно потеряв все на свете — дом, мужа, детей.

Детей пытались спасать в первую очередь. Подъемный кран мы увидели на рыночной площади, у углового дома. Бывшего дома, так как он обрушился сразу всеми четырьмя подъездами. Но оттуда, где был первый подъезд, кто-то услышал детские крики, и подъехавший в тот момент автокран, не теряя времени, принялся за работу, а мужчины ринулись наверх стропить плиты и разбирать завал.

Неподалеку в зеленом фургоне "уазика" уже находилось трое ребятишек лет восьми-девяти, которых удалось вытащить из-под обломков. Один — с разорванным ртом, у другого лицо было похоже на кровавую маску, у третьего — полуоторванное ухо и неестественно закинуты руки. В полном сознании, молча, дети смотрели на нас. В их глазах застыли боль, вопрос, недоумение: как же так, почему, за что?

До сих пор нам снятся глаза этих первых увиденных нами жертв армянской трагедии...

Ужасающая картина стихийного бедствия разворачивалась перед нами. Развалины детского сада, из-под которых еще доносятся то тихие стоны, то страшный в своей беспомощности, истошный детский плач, вдруг так же резко обрывающийся. Чей-то жилой дом — обычный, каменный, одноэтажный, способный, как думалось, наверное, его хозяевам, выдержать любые природные катаклизмы. Теперь это уже не дом, а какая-то фантастическая декорация для киносъемки. Фасадная стена полностью отвалилась, выставив напоказ нехитрое убранство чьей-то жизни: две кровати и диван, стол, полуразбитый стеклянный абажур над ним, ковер на стене...

И только потом мы разглядели то, чего нельзя увидеть ни на какой киносъемке: рухнувшую углом прямо на железную кровать плиту перекрытия и чьи-то ноги, свесившиеся с этой кровати...

Странно: среди бродивших между развалинами людей почему-то было много старушек — известных домоседок. Они-то как уцелели? Ведь всего в Спитаке полностью или частично было разрушено более четырех тысяч домов — практически все построенное здесь человеческими руками. Быть может, эти матери и бабушки, в большинстве своем оставшиеся теперь одинокими, сидели во дворах, когда содрогнулась земля? Строили, должно быть, планы дальнейшей жизни своих детей и внуков. Теперь, вздымая к небу морщинистые руки, они причитали по-армянски, громко и горестно, а потом снова шли к развалинам и пытались как-то разгребать камни в по-

исках то ли своих близких, то ли уцелевшего скарба...

Семеро солдат, молча застывших возле каких-то развалин... Все они только что смотрели телевизор в Ленинской комнате, на четвертом этаже общежития профтехучилища, где располагалась их временная казарма. Общежития больше нет, а они каким-то чудом спаслись и теперь стояли в горестном оцепенении над братской могилой своих товарищей. Впрочем, могилой ли? А может быть, склепом, из которого удастся спасти еще живых?

Скажем прямо: в первые эти минуты нам показалось, что горе сломило если не всех, то по крайней мере большинство оставшихся в живых. Лишь потом, немного вникнув в ситуацию, мы поняли свою ошибку. Потому что уже спешил автокран к профтехучилищу, где в завале ждали помощи не только солдаты, но и местные ребята. И на развалинах детского сада уже работали добровольцы-спасатели, руками разбирая обломки, с помощью бревен и ломиков приподнимая бетонные плиты перекрытий. И мужчины, ныряя в образовавшиеся лазы, вынимали из-под руин живых и мертвых. Еще не было в Спитаке какого-то координирующего центра, люди действовали бессистемно, неумело, но — действовали!

Стадион в центре города быстро превращался в вертодром — именно сюда должны были садиться винтокрылые машины для эвакуации самых тяжелых раненых. На футбольное поле срочно стаскивались брикеты прессованного сена, на них укладывали пострадавших. И тут же рядом — ноги мертвого ребенка, голова которого укрыта клетчатым пальтишком. Еще один труп, совсем крошечный, завернутый в какое-то одеяльце. С края, там, где были беговые дорожки, в длинный ряд укладывают трупы взрослых. Прямо за оградой — развалины дома, и не сразу понимаешь, что пожилой мужчина, спокойно лежащий на вывороченной железобетонной плите, никогда не встанет. А потом уже замечаешь и чьи-то неподвижные ноги, торчащие в середине завала. Из-под обломков все еще раздаются слабые крики, и четверо мужчин безуспешно пытаются поднять какую-то балку...

— Кран нужен, помогай, пожалуйста! — бросается навстречу появившемуся на стадионе подполковнику пожилой армянин с закопченным лицом. — Вы же защитники! Где ваша техника?

Перекрывая все крики и стоны, на поле медленно садится военный вертолет...

Пока идет погрузка раненых, разговариваем с подполковником Анатолием Савельевым, заместителем коменданта Спитакского района. Он только что прибыл в город из села Курсалы, где его застало землетрясение.

— Меня валило с ног, и я не удивлялся, — рассказывал подполковник. — Но я впервые в жизни видел, как подпрыгивал, кренясь с боку на бок, стоявший на дороге танк! Мы ох-

раняли Курсалы — это азербайджанское село. Сегодня туда приехала делегация армян из Азербайджана, они договаривались о коллективном обмене — село на село. И когда люди пошли к Дому культуры, здание рухнуло. Нет теперь этого села, совсем нет. И меняться, должно быть, некому — процентов семьдесят жителей осталось под развалинами. Наши солдаты, правда, почти все уцелели — сейчас там спасают кого только можно. Ведь бывают же и чудеса! Мой замполит должен был погибнуть — он спал на раскладушке, когда обвалился потолок, но в изголовье стоял сейф, и плита зацепилась за него. Можно считать, в десяти сантиметрах от "того света" побывал человек...

Савельев нырнул в дырку в заборе и пропал — ему нужно было наладить хоть какую-то связь: стихия перебила все телефонные кабели, а радиостанций, как водится, не оказалось... В вертолет вносили покалеченных детей, женщин и мужчин, военные летчики с ужасом смотрели на происходящее, а командир, умоляюще сложив руки на груди, оправдывался:

— Не может наш вертолет работать краном, никак не может! Неизвестна тяжесть панельных "связок", если машина рухнет сверху на завал, придавим и тех, кто еще дышит. Потерпите, техника уже идет, я сам с неба видел!

Но его оправданий не слушали:

— Цепляй трос, пожалуйста, будем людей спасать! Мы ведь по телевизору видели, как вертолеты грузы таскают...

Истошный крик невыносимой боли, перекрывающий даже чуть поутихший, но все же мощный рокот работающих винтов. К вертолету на плащ-палатке несли солдата со сломанным позвоночником, поднятого из глубины одного из завалов. Мгновенно смолкшая толпа расступилась, а какая-то старушка, мелко перекрестив раненого, произнесла с сильным акцентом когда-то услышанную, должно быть в кино, фразу: "Потерпи, браток..." Так и сказала. Но солдат ее не слышал, он уже молчал, впав в забытье. Врач, принимая в вертолет концы плащ-палатки, одной рукой тащил на себя эти самодельные носилки, а другой царапал по карману санитарной сумки, доставая лекарство. Вертолет раскручивал винты, готовясь к взлету.

В последний момент к еще открытому люку подбежал мужчина с мальчиком на закорках. Повернувшись спиной, поставил ребенка на край люка, и дружные руки приняли чьего-то сына. Но мальчик вдруг забился в этих ласковых руках, жалобно закричал, запросился обратно.

— Доктор, посмотрите, он цел? — спросил доставивший парнишку.

Врач осторожно ощупал детские руки, ноги, ребра...

— Кажется, цел...

— Тогда давайте его обратно, будем вместе маму искать...

А к вертолету, пригнувшись, бежал уже другой мужчина с мальчиком на руках. Их приняли в еще открытый люк.

Тяжелая машина медленно оторвалась от земли...

Потом мы узнаем о десятках случаев героизма и самопожертвования, которые проявили и оставшиеся в живых спитакцы, и те, кто в первые же часы пришел им на помощь. О наряде сержанта Романенко, вытащившем из-под руин двух ребятишек. Там уже никто никого не искал, и казалось невероятным, что в этом железобетонном месиве может сохраниться хоть одна живая душа. О солдате внутренних войск Иване Коваленко, долгие часы откапывавшем замурованную под обломками жилого дома Аиду Вартанян: между плитами остался узкий зазор, в который с трудом мог протиснуться лишь один человек, и солдат работал, пока не вытащил ее. Без сознания, но живую. Узнаем мы и об отряде москвичей-добровольцев под командованием второго секретаря Октябрьского райкома комсомола столицы Бориса Хелмицкого: через день ребята спасут еще девять человек. Многих погребенных заживо откопают горноспасатели, прибывшие из Приднепровья, добровольцы из братской Грузии, студенты ереванских вузов... Эти калейдоскопические обрывки информации, чаще всего без фамилий героев и имен спасенных, будут поступать к нам ежедневно, ежечасно.

А тогда... В тот момент для нас самым важным было одно: успеть передать в номер сообщение об увиденном. Ведь страна еще не знала о всей тяжести горя, постигшего Армению, и для того, чтобы как можно быстрее организовать помощь, опереввшись на силу интернационального содружества, требовалось рассказать о беде, в которой оказался братский народ. Потому что никакие приказы не в силах ускорить поступление помощи, если нет главного приказа для каждого — веления собственного сердца.

...В вертолете, летящем в Ереван, выслушиваем одну из десятков тысяч историй. Рассказывает тот самый человек, который внес в машину помертвевшего от боли ребенка:

— Это не мой сын. Я Ашот Погосян, а это Арман Казарян, сын соседа. Он с моим Кареном за одной партой сидел. Сам я — слесарь с лифтостроительного завода, был в раздевалке, когда все рухнуло. Я оказался в шкафу или рядом — не знаю. Темно и больно. Очень кричал, звал на помощь, товарищи пришли, рубили доски прямо на моей спине — вытащили. Я к школе побежал сына искать, а школы нет — одни развалины. И моя жена там, ищет Карена, она успела выскочить, цела осталась. Копали развалины, вытащили сначала девочку, потом Карена. Живой, только рука сломана. Жена с ним в Ереван поехала, а я дальше копал, вытащил Армана. Не знаю, что с ним: говорит, что спина болит и нога. Они, наверное, только трое в живых остались, потом там стали трупы доставать, а

я Армана на руки — и в вертолет. Мать его, видно, погибла, от дома — только груда мусора, а отец живой, я видел. Нет, не сейчас, раньше. Он еще не знает, что Арман жив, я людям крикнул, когда бежал к вертолету, — они скажут...

Над Арманом склонился врач, взял мальчика за руку, начал отсчитывать пульс...

Вертолет шел на посадку в ереванском аэропорту "Эребуни".

ТРУДНО БЫТЬ ПЕРВЫМИ

Было уже довольно поздно, когда мы вернулись в ереванский корпункт. В Москве, на Пушкинской площади, завтрашний номер газеты "шел к подписанию". С ужасом узнали мы о том, что в нем по-прежнему стоит наш обширный утренний отчет о проблемах комендантского часа. Все связанное с этим казалось теперь не то что вчерашним днем — прошлым веком! Забегая вперед, отметим, что тут мы, к сожалению, были не совсем правы. Но эта наша неправота выяснится лишь спустя двое суток, когда некоторые события вновь напомнят о существовании острых проблем в межнациональных отношениях региона. Пока же, опережая время всего на несколько часов, мы с редким упорством настаивали на снятии собственного материала.

Он был-таки снят, а кое-что из наших спитакских впечатлений попало в номер газеты от 8 декабря. "Отставшее время" довольно быстро настигло нас, захлестнуло своей волной... Но тогда, вечером в среду, даже руководство республики сориентировалось в происходящем далеко не сразу. Относительно верная оценка масштабов случившейся трагедии впервые прозвучала лишь в вечернем выступлении по армянскому телевидению Председателя Совета Министров Армянской ССР Ф. Т. Саркисяна. Воспроизводим этот документ, впоследствии опубликованный только в местной, республиканской печати:

"Уважаемые соотечественники! Как уже сообщалось, сегодня в 11 часов 41 минуту в республике произошло землетрясение разрушительной силы. Сила толчков в эпицентре — в 25 километрах к северо-востоку от Ленинакана — достигла 10 баллов.

Имеют место значительные разрушения жилых, общественных, промышленных зданий и сооружений в Ленинакане, Кировакане, Спитаке, Степанаване, Гугарке, во всех прилегающих к эпицентру районах. Нарушена система связи.

Стихийное бедствие привело к многочисленным человеческим жертвам.

В городе Ереване, Араратской долине и других районах республики, находившихся далеко от эпицентра землетрясения,

его сила была значительно меньше, жертв и разрушений нет. Имеются отдельные повреждения в основном старых построек.

Армянская атомная электростанция, ереванские химические предприятия повреждений не получили. Нет существенных повреждений в системе газоснабжения и энергоснабжения, кроме вышеназванных городов и районов, которые находились близко от эпицентра землетрясения.

В целях оказания помощи пострадавшим городам и районам, организации восстановительных работ образована правительственная комиссия во главе с Председателем Совета Министров Армянской ССР. Советом Министров СССР также создана правительственная комиссия во главе с Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым. Комиссии сразу же приступили к работе.

Мобилизованы все медицинские учреждения республики и их персонал. В помощь пострадавшим районам отправлены воинские подразделения. Организован вывоз пострадавших, в первую очередь раненых, детей и женщин, гражданскими и военными вертолетами, самолетами, автотранспортом и железной дорогой.

В районе бедствия организовано снабжение населения продовольствием, теплой одеждой, отправляется необходимое количество палаток, постельных принадлежностей и других предметов первой необходимости.

Мобилизованы все автотранспортные средства и строительные машины, механизмы с соответствующей рабочей силой для расчистки завалов, восстановления домов, сооружений, дорог.

Ведутся работы по восстановлению энергоснабжения и связи. Трудовые коллективы Еревана и районов республики направили в районы бедствия многочисленных работников и соответствующую технику.

В связи с бедой, постигшей армянский народ, телеграмму соболезнования в адрес ЦК Компартии Армении, Президиума Верховного Совета, Совета Министров Армянской ССР, всех трудящихся Армении направил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев.

Совет Министров СССР оказывает конкретную помощь в проводимых работах. За эти несколько часов с руководством республики неоднократно связывались и помогли в решении ряда важных вопросов Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, все секретари ЦК КПСС и другие руководители нашей страны.

Выделены и уже отправлены в республику дополнительные материальные средства. Сюда прибудет бригада опытных врачей во главе с министром здравоохранения СССР академиком Е. Чазовым для оказания помощи на месте. Организована

помощь Красным Крестом Советского Союза.

Дорогие товарищи! В эту столь тяжкую для нашей республики минуту, когда ее постигло такое разрушительное стихийное бедствие, крайне важно сохранять выдержку, порядок, не поддаваться панике, организованно участвовать в ликвидации последствий землетрясения, оказании помощи пострадавшим.

ЦК Компартии Армении и правительство республики делают все необходимое для четкой и правильной организации всех работ. Сегодня в районы бедствия выехали первый секретарь ЦК Компартии Армении С. Арутюнян и заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Щербина с группой ответственных работников республики.

Мобилизованы все министерства и ведомства республики. Руку помощи протянули нам братская Грузия и другие республики.

Дорогие соотечественники! ЦК Компартии Армении, Президиум Верховного Совета Армянской ССР и Совет Министров республики поручили мне выразить глубокое соболезнование семьям погибших, всему армянскому народу в связи с постигшим нас тяжким стихийным бедствием. Это наша общая беда.

ЦК КП Армении, Президиум Верховного Совета и Совет Министров республики вместе с вами глубоко скорбят по невинным жертвам стихии, выражают надежду, что наш народ, переживший суровые испытания, и на этот раз проявит присущие ему волю и стойкость, мужественно возьмется за ликвидацию последствий землетрясения.

Армянский народ должен жить, продолжать полнокровную национальную жизнь, какими бы тяжкими и невосполнимыми ни были потери".

Внимательный читатель обнаружит, что в этом документе были уточнены время и сила подземного толчка. Напомним, что в заметке ТАСС, которая на следующее утро обошла все газеты под заголовком "Землетрясение в Закавказье", указывалось "свыше восьми".

Забегая вперед, отметим, что оценки специалистов и в дальнейшем продолжали "плавать" где-то в промежутке от 10 до 12 баллов по двенадцатибалльной шкале.

НОЧЬ АПОКАЛИПСИСА

Когда глубокой ночью мы приближались к Ленинакану, навстречу нам, от самого горизонта, тянулась нескончаемая лента огней. Шоссе со всеми его изгибами — белый пунктирный росчерк на фоне черного неба и черных гор. Почти упираясь друг в друга бамперами и в то же время на предельно возмож-

ной скорости мчались медицинские "рафики", грузовики, какие-то автобусы, но больше всего — "Жигули", "Москвичи", "Волги" с частными номерами. В их пронизанных пучками света салонах угадывались контуры пассажиров — по шесть, семь, даже по восемь человек в легковушке, и сама очевидность этого никем не пресекаемого нарушения дорожных правил придавала происходящему смысл некой особой чрезвычайности. Казалось, полреспублики погрузилось в автомобили, чтобы принять участие в странной ночной карусели между столицей и северо-западными районами.

Да по сути так оно и было. "Автомобильная Армения" кинулась в зону бедствия, и лишь как запоздалый подарок мачехи-судьбы можно рассматривать отсутствие в ту ночь на трассе дорожно-транспортных происшествий. Люди ехали, зачастую не имея сколько-нибудь четкого плана действий, наудачу: а вдруг чем-нибудь смогут помочь? И помогали, вывозя из зоны бедствия пострадавших, в первую очередь женщин, детей, стариков. Между прочим, эта стихийная эвакуация в значительной степени осложнила выявление точного числа погибших. Поди-ка выясни в этой неразберихе, вывезен человек кем-то из добровольных помощников или же погребен под обломками...

То было инстинктивное движение народа, сходное с движением руки, зажимающей рану. Оно помогло справиться с первым болевым шоком. Позднее, когда пришло время более продуманных действий, эта "экспресс-помощь" стала утрачивать смысл и даже превращаться в помеху. Создавая на дорогах "пробки", личные машины усугубляли и без того сложную ситуацию. К тому же на третий-четвертый день появились примазавшиеся — те, кто спешил к руинам отнюдь не с чистыми намерениями. Но все это, повторяем, будет позже. А в первую ночь импульсивная, мгновенная реакция тысяч людей в значительной мере помогла преодолеть шоковое состояние.

Несмотря на поздний час, масса машин следовала и в одном направлении с нами — от Еревана к пострадавшим районам. Преобладали автобусы с добровольцами-спасателями — рабочими, служащими, студентами. Попадалась и грузоподъемная техника, прежде всего автокраны. "Голых рук", однако, было явно больше, чем технически вооруженных: добравшись до Ленинакана, мы убедимся в том, что это первое впечатление нас, увы, не обмануло.

Плотный транспортный поток в обе стороны (спасибо еще, что достаточно широкое шоссе допускало обгон) создавал атмосферу какой-то преувеличенной нервозности. Почти как на фронте, подумалось нам, если бы не яркая освещенность вместо фронтовой светомаскировки. Движение среди ночи огромных человеческих масс отражало всенародный масштаб трагедии. Недавние межнациональные распри, митинги,

даже кровавые стычки казались теперь ничтожными и нелепыми. Хотелось верить, что все это безвозвратно кануло в прошлое. Ведь разразившаяся беда никого не может оставить равнодушным.

Словно в подтверждение наших мыслей радио в машине сообщило, что в связи с землетрясением в Армении М. С. Горбачев, только что выступивший в Организации Объединенных Наций, прерывает свою зарубежную поездку и возвращается на Родину.

Как наша плоть не мирится с физической болью, так разум — с мыслью о неизбежном конце. Видимо, таково изначальное свойство живого. Говорят, солдат, идущий в атаку, в глубине души верит, что останется в живых. Конечно, есть ситуации (войны, к примеру) и профессии (медицина, ритуальные услуги), вынуждающие рассматривать смерть как норму. Однако лишь умозрительно.

Да, в конечном счете человек ко всему привыкает, в том числе и к чужой боли, и к смерти. Но даже такое привыкание требует времени. Кому-то нужны годы, кому-то — недели, кому-то, может быть, — сутки, в течение которых человек, выражаясь по-современному, пребывает в шоке. Зрелище массовых страданий, разрушений, смертей вызывает у него ощущение Апокалипсиса.

...В городе пылали костры. В их колеблющемся багровом свете вырывались из тьмы группы людей — мужчины и женщины, дети и старики, закутанные в одеяла, стоящие, сидящие не то на стульях, не то на скамейках, не то на обломках каких-то ящиков. Тут и там громоздились груды битого щебня, горы каменного и железного крошева, в которых глаз отказывался признать остатки многоэтажных домов. Именно так: рассудок (никуда не денешься!) верил, а глаз — отказывался. Мы тоже не сразу разобрались в сути этого странного парадокса.

Большинство из нас воспитано на литературных и зрительных образах минувшей войны. Столкнувшись с чем-либо из ряда вон выходящим, мы прикладываем к тому, что видим и чувствуем, мерки чьих-то военных воспоминаний или кадров кинохроники. Нам, попавшим в Ленинакан в первую ночь после землетрясения, этот город подсознательно рисовался чем-то вроде разбомбленного Смоленска или Герники. Глаза невольно отыскивали элементы сходства. И кое в чем находили их, хотя бы внешне, условно. Например, те же костры ассоциировались с огнями пожарищ. Что же касается разрушенных зданий...

Вспомним фронтовые фотоснимки: стены с пустыми глазницами окон, без крыш и без всего, чему положено быть внутри, полуосыпавшиеся, в трещинах, но все-таки стены. А тут, в Ленинакане, не было никаких стен. Обрушиваясь, дома образовывали состоящие из мусора холмы в половину высо-

ты бывшего здания. И только форма этих холмов отдаленно приближалась к очертаниям рухнувшего строения: от многоэтажной "башни" оставался небольшой по площади мусорный конус, а от дома, вытянутого в длину, — некое подобие тысячекратно увеличенного могильного всхолмия. Попадались холмы, стоящие "покоем" и Г-образные.

Мы не беремся судить, почему разрушенный город выглядел именно так, а не иначе. Позже нам кто-то объяснил, что дело тут в причудливой комбинации горизонтально и вертикально направленных подземных толчков. Возможно. Но мы лишь описываем то, что видели своими глазами, — пусть специалисты комментируют все это, как посчитают нужным.

Обрушиваясь, дома как бы выворачивались наизнанку, выставляя напоказ свои внутренности. Случалось, что довольно солидные куски обвалившегося дома сохраняли свою цельность, и это производило еще более жуткое впечатление. Смотреть на кровавые в свете костров остатки бетонных зданий было столь же мучительно, как на тело, извлеченное из-под колес электрички.

Но мы еще не сказали главного: там, под обломками, находились люди, в том числе живые, даже подающие голоса. Правда, в ту ночь, спустя 12 часов после толчка, столь отчетливые признаки жизни проявлялись уже нечасто. Но когда они были, то в соответствующем месте, где-нибудь на склоне освещенного кострами дома-холма, тут же собирался народ, и кто-нибудь, широко жестикулируя, не то причитая, не то раздавая команды, принимался руководить действиями остальных, по камушку разбирающих гору...

Беда застигла людей врасплох. Всего пять минут оставалось в школах до звонка на перемену. Рабочий день был в разгаре, лишь через час с четвертью должен был начаться обеденный перерыв в учреждениях. В считанные минуты смерть собрала максимально возможную жатву.

Вот обвалившееся здание школы. В вышине — чудом уцелевший осколок обнаженного интерьера с висящими на стене географическими картами. Внизу, у подножия мусорной горы, — покрытые пылью и каменной крошкой обломки парт, тетради, учебники вперемешку с искореженными кусками металлической арматуры. Рядом — детские целлулоидные погремушки. Откуда они здесь? Может быть, из класса шестилеток?..

Вокруг много людей — родители пропавших без вести ребятишек, добровольцы. Работают два автокрана, да много ли толку от них, способных выдернуть от силы две-три бетонные плиты за час? С риском для жизни передвигаются спасатели по зыбкому склону горы, еще недавно именовавшейся "школа", приникают к руинам, с надеждой вслушиваясь, пытаются разбирать обломки. До отчаяния медленной кажется их работа.

Сколько кубических километров битого камня можно просеять через сито человеческих рук? В силах ли муравьи, даже работая без отдыха день и ночь, сровнять с землей железнодорожную насыпь?

Техники не хватало катастрофически. Да и та, что была, использовалась подчас нерационально. Вот четырехэтажный универмаг на одном из центральных бульваров города. Здание довольно вычурной архитектуры — вертикальные декоративные "ребра" делают его похожим на сложенный аккордеон. Вернее, *делали* похожим: от толчка "аккордеон" раскрылся, разъехался в обе стороны, да так и застыл. Кажется, будто он кричит на весь мир отчаянным, протяжным криком. Сквозь сохранившиеся двери и проломы в стенах видны прилавки, витрины, таблички с названиями отделов, но заходить туда никто не рискует: все сдвинуто с основания, деформировано, неосторожно коснешься — и...

Вдруг на крыльце перед входом начинается суета: мельтешение фигур, махание руками, возгласы... Где-то под самой крышей, наверху и сбоку, послышались стоны — значит, там есть живые! Чтобы выяснить это, нужна приставная лестница, да где ее взять?! А мы вспоминаем, как при въезде в Ленинакан видели тихо дремлющую в переулке пожарную машину...

Еще эпизод: во дворе жилого дома работает коленчатый подъемник с люлькой. Внешне дом не пострадал, но проникнуть в него обычным путем, через подъезд, трудно, вот и снует люлька с двумя или тремя мужчинами на верхний (шестой) этаж и обратно. Внизу собрались, видимо, жильцы, что-то кричат механику и тем, в люльке. Издалека слышно — голоса взволнованные, может, ребенка ищут?

Во второй наш приезд в Ленинакан (через ночь) больше стало подъемной и прочей техники, а главное — спасательные работы велись более организованно и планомерно. Но в первые сутки... Люди, еще не успевшие оправиться от шока, нередко обезумевшие от горя, были поглощены, как правило, лишь одной мыслью — отыскать своих близких, освободить их из-под развалин. На разборке руин трудились чаще всего родственники засыпанных. Можно ли поставить им в упрек желание во что бы то ни стало, подчас не считаясь со средствами, заполучить на "свой" объект бульдозер или подъемный кран?

Да, чем дальше, тем больше становилось и опыта, и техники, и порядка. И — таков горчайший парадокс — тем реже удавалось извлечь из-под развалин живых...

Импульсами горя, страха, растерянности запомнилась нам ленинаканская ночь с 7 на 8 декабря. Страх, подобно эху, метался по улицам между покосившимися, вспученными черными стенами уцелевших зданий. Казалось, достаточно громкого крика, чтобы они лавиной обрушились на головы людей.

И люди инстинктивно держались открытых пространств, а особенно опасные узкие места стремились, несмотря на кромешную тьму, проскочить перебежками.

Продолжались и подземные толчки. Не очень сильные, не влекущие за собой новых разрушений, но чувствительные. К ним привыкали, как привыкают к разрывам бомб. Наиболее безопасными казались широкие мостовые главных проспектов, розово отсвечивавшие битым стеклом, цеплявшие за ноги путаницей оборванных троллейбусных проводов, хотя именно там легко можно было стать жертвой автомобильного лихачества. Впрочем, лихачей не было. Машины двигались осторожно, прощупывая каждый метр лучами прожекторов.

Откуда же, однако, исходили в ту ночь импульсы организованности и порядка? Они, безусловно, были и уже в первые сутки противодействовали хаосу, несмотря на многочисленные трудности с техникой, нехватку специалистов-спасателей, палаток, воды, продовольствия, транспорта, энергии, связи... Ведь в развалинах лежал второй по величине город Армении с населением около 300 тыс. человек! Полностью обесточенный, с отключенными водоснабжением и канализацией. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию, требовались поистине богатырские усилия, осмысленные, целенаправленные действия.

...Надсадно гудели дизели маленькой походной электростанции. Связисты тянули провода, пытаясь наладить связь с Ереваном. Место, где мы оказались, называлось по-военному — штаб. И все же "по-штатски" суматошная толкотня в кабинетике, где расположился заместитель Председателя Совета Министров Армении В. Арцруни.

— Что значит больше нет автокранов?! — кричал он в трубку только что заработавшего ВЧ. — Поднимай на ноги всех, выдергивай из постели, но к утру здесь должно быть еще не меньше пятнадцати единиц! Повторяю: не меньше пятнадцати! Со всем набором, с самыми опытными такелажниками. Все! Выполняйте!..

С надеждой вслушиваясь в этот надсадный крик, мы, кажется, готовы были всем сердцем одобрить олицетворяемый им в ту минуту командно-нажимной стиль руководства. На наших глазах совершалось волшебство: откуда-то из пустоты, из тьмы, пронизанной десятками тысяч автомобильных фар, возникали необходимые как воздух краны. Но в то же время и нам, и собравшимся в кабинетике начальникам разных рангов, и самому кричавшему в телефон В. Арцруни было до боли ясно, насколько мизерны эти "пятнадцать единиц". Капля в море! И сам факт, что через полсуток после катастрофы об этой ничтожной малости приходилось хлопотать как о великом деле, когда-нибудь вольется в длинный ряд других красноречивых свидетельств несостоятельности административно-командной системы руководства. Впрочем, в тот момент дейст-

вительно не оставалось ничего иного, как давить всей тяжестью правительственного авторитета, чтобы выдернуть из постелей пятнадцать квалифицированных такелажников...

В следующую минуту состав ленинаканского штаба пополнился еще одним членом. К столу протиснулся невысокий мужчина в пальто и шляпе, представился, протягивая руку: "Чазов". И тут же освоившись и во всем разобравшись, взял местных медицинских светил под свой жесткий контроль:

— Мы на фронте, и давайте действовать как положено. Нужно создать пункты первичной медицинской помощи. Сейчас сюда придет самолет, доставит все необходимое. В разных местах разверните палатки. Осветите их автомобильными фарами. В этих пунктах — первичная обработка раненых, сортировка. Если нужно — перевозите их на машинах в Маралик, это рядом. Там уже развернулся Институт Вишневского. Остальных — в Ереван. Самолеты отправлять с бригадами: врач, две-три медсестры...

Несколько минут академик Чазов уделяет нам для короткой информации:

— Медицина делает все возможное. В Армению прибыли лучшие специалисты ведущих институтов страны. Мы уже доставили сюда большое количество медикаментов, крови и кровезаменителей, одноразовых шприцов. Мобилизуем специалистов из разных городов. Приготовлено более тысячи коек в Краснодаре и других местах для тяжелораненых.

— Должно быть, надо очень спешить?

— Не то слово! Один час промедления — дополнительные двадцать погибших из каждой тысячи замурованных под обломками. Такая вот арифметика...

Жутковатая арифметика, подумалось нам. Особенно если учесть, сколько же часов уже оказались потерянными из-за элементарной неподготовленности людей к экстремальной ситуации такого масштаба. Не в моральном смысле — тут все понятно и естественно, мы говорим об организационной стороне дела. Обо всех этих многочисленных дефицитах (включая дефицит авторитетной власти), которые приходится теперь экстренно доставлять чуть ли не за тысячи километров. Замечательно, конечно, что уже через 12 часов после трагедии на место происшествия прибыл союзный министр, его четкие координирующие действия — мы видели это — сразу дали о себе знать. Но разве сами местные медики не в силах были догадаться развернуть палатки и осветить их автомобильными фарами?..

Большинство проблем, возникших в те первые трагические сутки, вскоре получили широкий общественный резонанс, о них говорилось в печати и с телеэкрана, их изучали и продолжают изучать в высоких государственных инстанциях. В задачи настоящей книги не входит углубленная разработка

этих проблем. Как непосредственные очевидцы событий авторы рассказывают лишь о том, что видели, слышали, пережили и что перед их, так сказать, мысленным взором предстало как ''ночь Апокалипсиса''.

ОЩУТИВШИЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

Эта глава особая. В ней мы расскажем о пострадавших. Не о тех, кто погиб, а о тех, кто спасся, кого живыми вытащили из-под развалин, и есть уверенность, что врачи поставят на ноги если не каждого из них, то большинство.

Начиная наш рассказ, призываем читателей к мужеству. Мы не станем злоупотреблять описанием увечий, крови, но воздержимся и от умолчаний. Пусть читатели вместе с нами прослушают наши магнитофонные записи практически такими, как они есть, лишь в переводе на русский. Потому что нельзя в полной мере ощутить все то, что произошло в Армении, не зная подробностей о ''частном'' — ведь эти ''частности'' и составляют человеческую жизнь.

Рассказывает рабочая чулочной фабрики из Ленинакана Рузанна Григорян:

— В тот день я работала в первую смену. У меня было очень хорошее настроение, станок крутился, как обычно, я даже пела за работой и так увлеклась, что в первый момент ничего не почувствовала. Только услышала крики: ''Землетрясение! Спасайтесь!'' Успела лишь подумать: ''Какое еще землетрясение, что они кричат? Шутят, что ли?'' А в следующее мгновение как-то сразу все рухнуло. Наш цех расположен на первом этаже фабрики — она четырехэтажная, — наверху тоже станки, люди, но я не видела ни станков, ни людей, только летели панели, трубы, какие-то балки. Я стояла, словно оцепеневшая, и ждала, когда меня убьет. Дальше — как в замедленном кино: сверху прямо на меня плашмя спускается железобетонная панель, все ниже и ниже... А я молча смотрю на нее и жду смерти. Наверное, если бы сначала в меня попал какой-нибудь камень, я очнулась бы, но все камни от меня отгораживала эта панель, которая теперь сама меня убивала.

Спасла меня какая-то труба: она проходила рядом по стене, а стена все еще стояла. Панель зацепилась краем за эту трубу и остановилась, только развернулась немного боком, и тогда на меня полетели какие-то кирпичи, обломки железобетона, какой-то мусор, но почему-то по голове не попало ничем, а может быть, и стукнуло, но я не заметила — была в каком-то заторможенном состоянии и ничего не понимала.

Потом все стихло, и я сначала не знала, кончилось ли землетрясение, или просто меня очень плотно засыпало. Но земля

уже не дрожала, и тогда я попробовала как-то освободиться, но не смогла пошевелиться. Даже голова оказалась зажатой, и тогда я снова подумала, что мне никогда не выбраться. Но потом появилась какая-то злость на себя: зачем сдаваться, пока живая? Еще раз попыталась раскачать завал и сумела высвободить левую руку, ею и начала откапываться.

Сначала освободила голову, какие-то обломки упали вниз, и я даже сумела присесть, чтобы откопать ноги. Постепенно вытащила их из завала, и получилось, что сижу на корточках, а правая рука по-прежнему зажата. И что самое плохое — эта рука меня совершенно не слушалась. Я ее чувствовала, она болела, но не шевелилась. Откопала и ее и начала соображать, что делать дальше.

Полной темноты в моей норе не было, сверху через расщелины пробивался свет — это прибавляло надежды. Слева и справа слышала какие-то крики, люди звали на помощь, и только тогда я подумала, что мой сын, десятиклассник, с утра пошел в школу, а она тоже могла рухнуть. Как жить дальше, если я потеряла сына? А может быть, он, как и я сейчас, находится в завале и ему некому помочь? И я начала продираться наверх, к свету. Сначала даже не кричала — берегла силы. Цеплялась за какие-то выступы левой рукой и вытаскивала себя по сантиметру. А потом какой-то прут вырвался из гнезда, и я упала назад, в свою щель, правда не глубоко. Поняла, что действую неправильно — нужно, выбираясь наверх, сгребать вниз обломки, чтобы иметь опору под ногами.

Снова начала карабкаться, но сил уже почти не оставалось. Позднее я узнала, что выкарабкивалась больше четырех часов, а тогда просто почувствовала, что сильно устала, больше не могу. Но тут сверху послышались голоса спасателей, они ходили по завалу и искали, кто остался в живых. Я подумала: "Теперь меня вытащат!" Стала кричать. Но я их слышала, а они меня почему-то нет. Значит, надо самой.

Отдохнула немного и снова вытягивала себя сантиметр за сантиметром. Очень боялась, что все эти балки и камни снова рухнут: ведь некоторые панели ходили совсем свободно — я цепляюсь за край, а она поворачивается. Но я уже насыпала под собой холмик и могла отдыхать.

Даже не знаю, сколько метров мне пришлось так ползти. Наверное, немного, потом я видела: развалины нашей фабрики были невысокими. Но мне казалось, что я ползу уже целую вечность.

Когда уже почти совсем выбралась, вдруг уперлась головой в какой-то тяжелый металлический щит. Вот тогда стало по-настоящему страшно: неужели все напрасно? А как же мой сыночек, кто ему поможет? Когда работала, спасалась — бояться было некогда, а тут чуть с ума не сошла. Наверное, никогда в жизни я не кричала так громко, как тогда. И меня услыша-

ли! Пришли спасатели, попытались освободить лист, но он был большой и тяжелый. Тогда откуда-то принесли автоген, разрезали железо и меня вытащили.

Но по-настоящему я стала счастливой еще через полчаса. Оказывается, мой сыночек был жив, он успел выскочить из школы до того, как все рухнуло. И он тоже искал меня, только не знал, где я, под каким завалом.

Мы записали этот рассказ в ереванской Центральной клинической больнице скорой помощи. Шел третий день после катастрофы, в больницу доставляли все новых и новых раненых, извлеченных из-под обломков, освобожденных из каменного плена. С каждым днем — да что там! — с каждым часом таяли надежды на то, что поступившие в лучшие клиники республики раненые обретут утраченное здоровье. Очень многие из прибывших в больницу скорой помощи прежде всего помещались в реанимационное отделение, его 16 мест были постоянно заняты. Вытащив одного буквально с "того света", врачи принимали на его место нового больного и не отходили от него, пока была хоть самая слабая надежда. И все же здесь только за три дня не удалось спасти 90 человек — слишком тяжелы были раны.

Не будем приводить рассказы самых тяжелых больных, предоставим слово тем, кто вполне мог погибнуть, но был спасен.

Рассказывает студент филологического факультета Ленинаканского пединститута Геворк Геворкян:

— Я знаю, много детей погибло, потому что в школах шли занятия. А у нас в институте был перерыв, и ребята вышли из аудитории. Я остался, мы сидели с моей однокурсницей, ее зовут Элиза, и о чем-то разговаривали, я даже уже не помню, о чем. И вдруг затряслись стены, с потолка посыпалась штукатурка. Я закричал: "Элиза, землетрясение, бежим!" Схватил ее за руку, потащил к дверям и там увидел, как в коридоре балка упала на голову нашему преподавателю армянской литературы. Его убило сразу, и у меня в глазах все помутилось. Я не пустил Элизу в коридор, мы остались под дверной коробкой, потому, наверное, и живы. А потом я упал и, когда открыл глаза, увидел, что на мне лежит панель, а сверху — руки моей однокурсницы. Ее тоже немного придавило, но не сильно. Элизу скоро освободили, а со мной оказалось труднее: на груди у меня были какая-то перемычка и обломки стола, а сверху лежало штук десять панелей. Я не знаю, почему они меня не раздавили, наверное, зацепились за что-то. Друзья меня увидели, поняли, что я живой, стали что-то делать, чтобы спасти. А тут прибежали два моих дяди и двоюродные братья. Дядя мне прямо в ухо кричал: "Геворк, ты живой?" Я тогда открыл глаза, но сказать ничего не мог, потому что панели

давили на грудь и я еле-еле дышал. Братья начали ломать остатки стола, которыми я тоже был придавлен. Ломали прямо на мне, было очень больно, но после этого стало легче дышать.

А потом наверх принесли пять автомобильных домкратов, поставили их и начали приподнимать все эти панели. Домкраты два раза срывались, и я думал, что меня совсем раздавит. Но все получилось, и меня вытащили.

Мне, конечно, очень повезло, что я живой. Всего двадцать лет, жалко так рано умирать. Вот только ноги совсем не чувствую, они какие-то холодные, чужие...

Таких, как Геворк Геворкян, в те дни было немало в ереванских больницах, и лучшие хирурги страны делали все возможное, чтобы не просто вернуть их к жизни, но и выписать совершенно полноценными людьми. Были там и другие пациенты, с травмами больше психическими, чем физическими. В первые дни еще мало кто думал о последствиях таких травм, но мы записали на диктофон рассказ женщины, которая по обычным показаниям считалась "легкой больной"...

Рассказывает София Надоян:

— Когда произошел первый толчок, мы с подружкой даже засмеялись: опять, мол, трясет, сколько можно? Ни о чем страшном не думали, в Ленинакане землетрясения не редкость, уже и внимания на них не обращали. И вдруг как-то сразу обрушилось все здание нашей фабрики. В последний момент мы с подружкой обнялись и вместе присели под станок. Потом сверху упала панель, станок тоже рухнул, меня придавило, а подружка успела куда-то выскочить, но я до сих пор так и не знаю, что с ней было дальше. А меня полностью засыпало.

Нет, сознания я не теряла ни на секунду (по мнению лечащего врача, Софии это скорее всего только показалось. — *Авт.*). Лежать было очень трудно — на груди ощущалась какая-то неимоверная тяжесть, я не могла даже вздохнуть как следует. А еще — полная темнота и тишина. Ну просто абсолютная тишина, как в гробу. Да я и была в гробу, только не деревянном, а каменном. Я все время кричала, звала на помощь, но громко кричать не получалось — была полностью сдавлена, даже воздуху набрать не могла.

Сначала пробовала как-то отмерять время, потом перестала — бесполезно, да и как? Только почувствовала, что постепенно начинаю замерзать. У нас на фабрике жарко, и обычно мы работаем в легких халатах, а камни были очень холодными, и чем дальше, тем холоднее. Наверное, уже наступила ночь, но я об этом не подумала, ведь для меня все время была ночь. Я лежала под обломками и уже даже на помощь не звала, все вдруг стало безразлично, надежда на то, что меня найдут и спасут, совсем исчезла. В общем-то я уже и не знала как следует, на каком свете нахожусь — на том или все же еще на этом?

Никакой боли нигде не чувствовала, только хотелось хоть раз вздохнуть полной грудью, но я не могла даже пошевелиться.

Потом я услышала какие-то голоса и сначала не поверила, что это разговаривают люди, — думала, мне все кажется. Голоса доносились откуда-то сбоку, и я наконец поняла, что это кричат, а может быть, и стонут такие же заживо погребенные, как и я. Пыталась с ними разговаривать, но никаких слов не могла разобрать. И снова ждала, не знаю, чего. Наверное смерти...

Когда услышала еще голоса, теперь уже наверху, сразу не сообразила, что это спасатели. А они ходили по развалинам, искали своих близких. Тогда появилась надежда: у меня есть братья, они знают, где я работаю, если живы — придут на помощь. Снова попробовала кричать, и меня, слава богу, услышали. Кто-то спрашивает: "Ты Кара?" Отвечаю: "Нет, я Лала (так меня зовут дома), скажите моим братьям, что я здесь, пусть придут!"

А братья меня, оказывается, искали весь день и всю ночь, но я их почему-то не слышала. Они пришли сразу же, и оказалось, что рядом с тем местом, где меня завалило, была щель, по которой можно очень близко подобраться. И меня быстро откопали. Я думала, что пролежала там, под развалинами, несколько часов, а оказалось, что прошли сутки...

Софии очень повезло, но главное испытание для нее впереди. Как объяснили врачи, после такого потрясения у человека может развиться клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства. Поэтому девушку поместили в одной палате вместе с тремя подругами по несчастью, хотя в отделении есть свободные палаты. Дверь стараются держать открытой и на ночь не гасят свет полностью. Увы, очень многим жертвам землетрясения еще потребуется не только хирургическая или терапевтическая помощь, но и психиатрическая. Особенно тем, кто потерял в этой катастрофе родных и близких.

Рассказывает работница Ленинаканского горпотребобщества Женя Саакян:

— Мы сидели в конторе, как раз пришли две женщины, приехавшие по делам из Нагорного Карабаха, и мы разговаривали о том, что дальше будет, как жить. Но вдруг все вокруг повалилось, а дальше было как во сне. Наверное, я потеряла сознание, но не полностью, просто решила, что это сердечный приступ — у меня высокое давление. Ни о каком землетрясении не думала, просто полный мрак, и ничего не чувствую, только голова кружится и нечем дышать.

Мой сыночек, мой Давид спас меня. Работал неподалеку, даже не знаю, как он уцелел. Прибежал сразу. От нашей конторы ничего не осталось: груда развалин. Он кричал, звал меня, я его слышала, но отозваться не могла. Лишь потом узнала, что меня полностью засыпало, а сверху левая рука торчала,

даже не рука, только пальцы. Он, наверное, по кольцу меня узнал. Начал раскапывать, но я ничего этого не чувствовала: ни боли, ни страха — ничего. Только помню, как он кричал: "Мама, дай мне твои руки!"

Мой мальчик вытащил меня, я теперь живая. Только не совсем, потому что старший мой сын пропал вместе со всей семьей. Они дома были, а дом рухнул. Я все жду, вдруг их откопают, ведь бывают чудеса, правда? И еще один мой сын, очень поломанный, где-то в больнице лежит, а я даже не знаю, в какой. Вдруг он тоже уже умер? Вы не можете узнать, где мой сын?

Кто поможет горю матери, да и можно ли ей помочь? Забегая вперед, скажем, что потом в Армению пришли тысячи телеграмм и писем с просьбой отдать на воспитание детей, потерявших в этой катастрофе родителей. Авторами писем и телеграмм двигали самые благородные, самые человечные чувства — заменить осиротевшим детям погибших близких. Иное дело — как этот благородный порыв попытались трактовать некоторые "неформальные лидеры" в самой Армении, о чем еще будет сказано. Но вот о чем думали мы, получая на телетайп корпункта такие же предложения об усыновлении: кто бы взял на себя заботу о родителях, потерявших детей? Увы, ужас армянской трагедии заключался еще и в том, что детей здесь погибло значительно больше, чем взрослых...

И еще одна магнитофонная запись, сделанная в ереванской Центральной клинической больнице скорой помощи. Так получилось, что мы, по всей видимости, встретились там именно с тем самым солдатом, которого при нас заносили в вертолет в Спитаке через несколько часов после землетрясения. Рассказывает курсант Омской высшей школы милиции МВД СССР Камиль Юмаев:

— Наша группа — шестьдесят человек — базировалась в Спитаке. Жили в общежитии профтехучилища на четвертом этаже. В момент, когда задрожали стены, почти весь личный состав был в Ленинской комнате, смотрели телевизор. А я дневалил в коридоре у тумбочки. Накануне нас уже трясло, два раза. Сначала было страшно, а потом даже интересно, ведь раньше я только по рассказам знал, что такое землетрясение. Но тут было совсем другое. Я даже крикнуть не успел, как провалился пол, и я полетел куда-то вниз. Только почувствовал: что-то очень больно ударило по спине.

Уже потом понял, что провалился через все четыре этажа. Ушел в землю почти по пояс. Конечно, не в саму землю, а в какой-то мусор. Все тело сдавило. Полная темнота.

Сознание работало четко, хотя никак не мог себе представить, что рухнуло все здание. Думал, как при бомбежке: обвалились какие-то перекрытия, но общежитие стоит и меня

сразу начнут искать. Попробовал освободиться сам, думал, что нахожусь в каком-то колодце, смогу как-нибудь выкарабкаться. Но мне более-менее повиновалась лишь правая рука. Нащупал ею какой-то прут, ухватился за него, начал раскачивать. И кричал: "Кто-нибудь, помогите, я здесь!"

Помощь пришла очень быстро — минут через сорок, может быть, через час. Откопали меня мои же товарищи курсанты — те, кому больше повезло, и местные жители. Только потом, когда меня несли к вертолету, я понял, какой они подвиг тогда совершили. Весь Спитак лежал в развалинах, под ними — люди. Но нас, курсантов, не бросили, помогли. Может быть, я один из тысячи спасся, а к кому-то помощь прийти не успела... Я подумал, что никогда в жизни не забуду этих людей, потом потерял сознание и очнулся только в этой больнице.

Да, я знаю, положение мое тяжелое — перелом позвоночника. А ведь хотел Новый год встретить дома, в Башкирии, и решить там "личный вопрос" — девушка меня ждет. Теперь свадьбу придется отложить. Я не написал родным о том, что со мной случилось, пусть думают, что ничего серьезного. У меня все будет в порядке, спросите у доктора. Я ведь молодой, здоровый, организм крепкий. Еще поднимусь, обязательно поднимусь!..

В ЧАС СКОРБИ И ВЕРЫ

Десятого декабря по всей стране был объявлен траур.

"В связи с трагическими последствиями землетрясения в Армении — гибелью многих людей — объявить в стране траур 10 декабря 1988 г., — было сказано в постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. — На всей территории страны приспустить государственные флаги, отменить увеселительные мероприятия. Внести необходимые изменения в программы радио и телевидения".

В самой Армении национальный траур был объявлен на два дня — 9 и 10 декабря. Даже примерно еще не было известно, сколько жизней оборвала трагедия. Говорилось о десятках тысяч, но сколько их, этих десятков? В Ленинакане, например, военные, прикинув по своим формулам количество разрушенных промышленных предприятий, жилых домов, определили: в результате бомбежки с такими разрушениями должно было бы погибнуть не менее 20 — 25 тыс. человек. Потом в эти расчеты пришлось внести поправку: при бомбежке на одного убитого приходится 4 — 5 раненых. При таком землетрясении соотношение может быть обратным...

По республиканскому телевидению выступил Верховный патриарх-католикос всех армян Вазген I. Приводим полностью

его обращение к армянскому народу:

"В глубоком трауре вся армянская нация в Армении и во всем мире.

В глубоком трауре наша Святая Церковь и Храм единородного Сына Божьего всех армян.

Страшное землетрясение 7 декабря обратило в руины бóльшую часть наших родных цветущих городов — Ленинакана, Кировакана, Степанавана и полностью разрушило город Спитак и ближайшие села.

Мы скорбим по многим десяткам тысяч погибших, стольким же раненым и более ста тысяч лишенных крова.

Таких бедствий мир за свою историю видел не много.

Для народа, который пережил кошмары геноцида 1915 года, для народа, который с начала этого года снова встал перед лицом жестокой судьбы — в страданиях Арцаха и трагедии Сумгаита, для народа, который за последние недели принял в свое лоно десятки тысяч оказавшихся в беде беженцев, было уготовано новое испытание, новая смертоносная беда, новые страдания.

Подобно псалмопевцу, мы взываем: "Доколе, Господи, ты будешь забывать о нас, доколе будешь отвращать от нас свой лик? Взгляни на нас, о Боже, и внемли нам!"

И за какие наши грехи все это, Господи?

Но может быть, во всех наших страданиях и трагедиях сокрыт некий тайный смысл, неведомая тропа к спасению. Да свершится воля Всевышнего!

В это воскресенье в Кафедральном соборе мы совершим торжественную траурную Литургию и будем молиться за души многих тысяч жертв.

Родные и близкие, после молитвы и траура обратим наши лица к объятому тревогой народу и к нашим разрушенным городам, да, со скорбью в сердце, но без отчаяния, не чувствуя себя побежденными. Со светлой верой, несокрушимым духом, могучими руками стойко примем нашу судьбу, мужественно перенесем любое испытание и еще раз увенчаем победой наш помазанный миром народ.

Именно в такие минуты народы могут показать свой добродетельный облик, силу самопожертвования, подлинную любовь к родине.

В этот час горя и скорби мы также утешаемся и признательны центральному Советскому правительству, всем братским народам за то, что они рядом с нами и всемерно, заботливо оказывают помощь нашему страдающему народу.

Мы призываем всех вас оставаться непоколебимыми в своем оптимизме и вере в собственные силы, готовыми к самопожертвованию во имя бедствующих ваших сестер и братьев.

С таким же призывом мы обратились в эти дни и к армян-

ским церквам, армянам за рубежом — так же воодушевляя их, ожидая от них того же. Мы хотим засвидетельствовать, что ваши соотечественники за рубежом уже приступили к делу, протянули братскую руку помощи терпящим бедствие и разрушенным городам с непоколебимой верой в то, что, как это часто бывало в прошлом, так и на этот раз, дни несчастья придут и уйдут.

Вскоре будут залечены раны нашего народа, и в ближайшем будущем восстанут из руин наши разрушенные города и вознесутся к небу еще более прекрасные и светлые. И снова зазвучит там армянская речь, снова зазвенят удары молота в руках армянских рабочих, снова будут рождаться тысячи и тысячи наших детей.

В этот трудный час скорби и горя мужайтесь, армяне, крепитесь духом, утешайте друг друга любовью, праведным видением новой зари, обратив свои взоры к высшему символу нашей жизни и вечности — священной горе Арарат.

Будьте здравы, укреплены Святым Духом и вечно благословенны Господом и нами. Аминь".

Католикос был абсолютно прав, утверждая, что не много подобных бедствий видел мир. Не знал он только, что не сто, а пятьсот тысяч армян остались без крова в результате землетрясения.

Что же касается масштабов бедствия, то их можно понять в сравнении. Вот данные о всех крупных землетрясениях нынешнего столетия:

в 1908 г. на Сицилии буквально в руины был превращен город Мессина, погибло 83 тыс. человек;

в 1923 г. в Японии, в районе от Токио до Иокогамы, погибло 140 тыс. человек, около миллиона японцев остались без крова;

в 1939 г. в Турции, во Внутреннем Тавре, погибло 32 тыс. человек;

в 1948 г. сильнейшее землетрясение практически полностью разрушило советский город Ашхабад. Но страна об этом узнала значительно позже, а о количестве жертв ничего не сообщалось сорок лет. Лишь в октябре 1988 г. в столице Туркмении была проведена неделя памяти жертв землетрясения 1948 г., во время которой широкому зрителю впервые показали кадры кинохроники, снятые на следующий день после тех трагических событий. Тогда же впервые было обнародовано и количество жертв — 110 тыс. человек;

в 1963 г. в Югославии землетрясение разрушило бóльшую часть города Скопле, погибло 2 тыс. человек;

в 1966 г. произошло наиболее известное советским людям Ташкентское землетрясение. Но до сих пор далеко не все знают, что в Ташкенте число жертв было очень незначительным — чуть больше 20 человек. Это объясняется прежде всего

одной особенностью землетрясения: после первого сильного вертикального толчка прошло некоторое время, за которое практически все жители города успели выбежать на улицу;

в 1976 г. сильное землетрясение наблюдалось в Гватемале, погибло около 20 тыс. человек, более миллиона жителей остались без крова;

в том же 1976 г. самое страшное в истории нашего века землетрясение разразилось в Китае (Таншань), погибло более 600 тыс. человек;

в 1978 г. Филиппинское землетрясение унесло примерно 7 — 8 тыс. жизней;

в 1984 г. мощные толчки потрясли наш Газли. Там были очень серьезные разрушения промышленных и гражданских сооружений, погибло пять человек;

в 1985 г. произошло сильное землетрясение в Мехико, погибло 4 тыс. человек. Жертв могло быть значительно больше, но сказались два фактора: своевременная и очень квалифицированная международная помощь и теплый климат. Даже через две недели удавалось вызволять живых людей из-под развалин...

Вот, пожалуй, и все. Теперь можно сравнивать. Конечно, Китай 1976 г. выделяется из этого списка своей ужасной цифрой — свыше полумиллиона жертв. Ее, правда, можно отнести к последствиям высокой плотности населения, а не к силе и продолжительности самого землетрясения, но факт остается фактом. И все же нынешнее землетрясение в Армении, по предварительным данным, можно с уверенностью назвать одной из самых тяжелых, самых страшных трагедий нашего века.

Назывались разные цифры предполагаемых жертв — от 120 до 175 тыс. Думается, что наиболее точные данные можно будет получить лишь после Всесоюзной переписи населения, в ходе которой удастся собрать полные сведения об эвакуированных и из зоны землетрясения, и из Армении. На пятый день до нас дошла такая информация: в РСФСР направлен заказ на изготовление 50 тыс. гробов, еще 30 тыс. должны были сколотить на предприятиях самой Армении.

Мы потом видели этот скорбный груз в кузовах грузовиков на пути в Ленинакан, Спитак, Кировакан... Видели штабеля гробов на улицах и перекрестках разрушенных городов. Штабеля быстро уменьшались: время от времени к ним подходили люди, брали сколько надо и несли к развалинам. Значит, нашли еще кого-то, кто не нуждается уже ни в какой помощи — только в этом последнем ритуале...

Но еще раньше, до того, как плотники успели взяться за свое печальное дело, многих извлеченных из-под руин хоронили просто в белых саванах. А в разрушенных землетрясением селах гробов не хватало и через неделю, и через две...

Мужчины доставали тела погибших, женщины их оплаки-

вали. Но кого-то еще можно было спасти. "Со светлой верой, несокрушимым духом, могучими руками..." Очень были нужны здесь, в Армении, чуткие и добрые руки врачей.

Уже на третий день стадион в центре Спитака был не только вертодромом и — увы! — моргом, но и госпиталем. На краю игрового поля развернулись операционно-реанимационные палатки для тех, кто не выдержал бы даже получасового полета до Еревана. Первыми здесь обосновались грузинские врачи. Они прибыли на своих вертолетах, доставили свои машины "скорой помощи", привезли с собой инструменты, лекарства... За первые двое с лишним суток приняли около 600 раненых.

— Слишком быстро летит время, — скажет потом Тамаз Джибладзе, главный врач пятой городской больницы Тбилиси. — И вместе с минутами навсегда уходят человеческие жизни...

Днем врачам работать легче — нужно вывести людей из шока, оказать первую помощь и отправить их в клинику, где сконцентрировано самое современное оборудование для спасения сверхтяжелых больных. Ночью же воронежскому нейрохирургу Леониду Антипко и его коллегам приходится делать сложнейшие операции прямо здесь, в палатке, а затем ждать рассвета, когда прилетят винтокрылые машины самой скорой помощи. Каждая — с бригадой сопровождения. Но слишком тяжелыми оказываются подчас травмы: есть случаи смерти раненых в пути...

Представитель ЦК Компартии Армении, прибывший в Спитак в первые же часы трагедии, рассказывает: за три дня извлекли из-под руин более 1700 живых, а свыше 2 тыс. человек, вынутых из развалин, уже не вернуть. В рабочей силе недостатка нет: постоянно прибывают добровольцы со всех концов республики и страны. Но еще не хватает техники, особенно мощных подъемных кранов...

Рядом кто-то рассказывает о спасении целого класса малышей в Степанаване. В середине урока дети вдруг стали жаловаться на сильные головные боли, духоту... Учитель открыл все окна — не помогло. Тогда на свой страх и риск он решил закончить урок пораньше — пусть дети отдохнут, побегают. Ведь малыши еще не привыкли к строгому школьному режиму — первый класс.

И только дети вышли на улицу, как раздался страшный гул, треск, школа начала рушиться...

Такие истории здесь рассказывают повсюду, в них люди находят утешение — так хочется поверить в чудо! Впоследствии мы услышали подтверждение: был такой случай, в первом классе Степанаванской школы № 2. Начальной школы. Действительно, учительница Дж. Григорян заметила, что дети плохо себя чувствуют, и открыла все окна. Вот только урок был

прерван уже после того, как раздался какой-то непонятный грохот и на улицах столбом поднялась пыль. Больше по наитию учительница бросилась немедленно выводить детей, и весь класс выбежал на улицу до того, как обвалилась первая балка.

Увы, таких счастливых случаев было совсем немного... В том же Спитаке чудом уцелевший второклассник Гарик Овакимян рассказал нашим коллегам более печальную историю:

— Когда начало трясти, учительница сказала, чтобы мы спрятались под парты. Я и Нара спрятались, а те, кто не послушался, — все умерли. Нас спасла парта, а потом пришел папа и вытащил меня и Нару. После нас спасли еще Арцруна. А больше никого живых не было...

"И за какие наши грехи все это, Господи?.."

РАЗДАВЛЕННЫЕ СУДЬБЫ

Можно ли придумать более страшное сочетание слов, чем "раздавленные дети"?..

Ереванская детская клиническая больница № 3. Одно из шести мест в городе, куда с первых часов доставляли ребятишек, извлеченных из-под развалин Спитака, Ленинакана, Кировакана, Степанавана, многочисленных сел в зоне бедствия. К вечеру 8 декабря, т. е. к исходу второго дня после катастрофы, их было тут 265 — от грудного до среднего школьного возраста. Немало из них — с тяжелыми травмами. Судьба родителей большинства этих детей либо трагична, либо до сих пор не установлена. О многом рассказали нам главный врач больницы Офелия Амазасповна Назарян и врач-невропатолог Джульетта Никитична Айламазян. Многое увидели мы сами, переходя из одной палаты в другую, глядя в эти полные страдания недетские глаза детей, слыша крики боли и безответные зовы сирот, разговаривая с докторами, с маленькими пациентами и их родителями, с многочисленными добровольными помощниками и тех и других.

Вот Наринэ Аветисян, инженер-механик из Ленинакана, с девятимесячной Лианой на руках. Им обеим повезло: мать осталась невредимой, дочка "отделалась" ушибами и сотрясением мозга средней тяжести. Невредима и ее пятилетняя сестричка Офелия. Хуже с бабушкой — та отправлена в госпиталь в тяжелом состоянии. Когда их четырехэтажный дом закачался, она, подхватив девочек, метнулась в дверной проем. От кого-то, видимо, слышала, что так спасаются при землетрясении. Какой замечательный, благословенный богом человек, этот неизвестный советчик! Прижавшая обеих внучек к себе и прикрывшая их собственным телом бабушка так и была вскоре откопана: мощная вертикальная панель с дверным проемом посередине спасла всех троих...

Здание больницы девятиэтажное. В момент толчка на верхнем этаже из наполненных ванн вылилась вода. Думаешь об этом — и мороз по коже: ведь больница и тогда, до полудня 7 декабря, была детской!.. Теперь ее приспособили исключительно для приема пострадавших, моментально обеспечив всем необходимым, чего прежде не могли допроситься, — мебелью например. Как говорится, не было бы счастья...

Чем выше поднимаешься по лестнице, тем тяжелее пациенты. И тем соответственно больше людей в белых халатах. Вовсе не обязательно, что это профессиональные медики. Днем и ночью у детских кроваток дежурят "ненастоящие" няни и сестры, "ненастоящие" мамы. В ту ночь, когда мы были в больнице, на вахту заступили добровольцы из научно-исследовательского института при Ереванском производственном объединении "Армэлектромаш".

На улице, перед входом в больницу, настоящее столпотворение. Сотни людей простаивали здесь "просто так" все свободное время. На всякий случай — вдруг выпадет счастье оказаться чем-то полезным. В местном донорском пункте "письменная" очередь желающих сдать свою кровь напоминала жилищную очередь.

Добровольцы-курьеры, в том числе "на колесах". Больничный двор был похож на автобазу или таксомоторный парк, только машины — с "частными" номерами. Добровольцы-санитары. С одной группой мы разговаривали. Нашими собеседниками оказались десятиклассники расположенной поблизости школы № 7 Тигран Тащян, Армен Мурадян, Ашот Алексанян.

— Нет, нам нисколько не тяжело! Здесь наши младшие братья, помогать им — наш долг милосердия...

Многие завидовали этим ребятам, потому что в отличие от тех, кому приходилось ловить свой шанс перед входом, они были, так сказать, официальными, узаконенными добровольцами. Ежедневно десятки людей предлагали помощь деньгами, продуктами. При нас доставили 40 килограммов отборнейших яблок, пообещав наутро принести еще столько же. Жаль, не все пациенты были в состоянии попробовать эти яблоки...

Рассказывает учительница младших классов средней школы № 2 города Ленинакана Раиса Васильевна Оганесян:

— Я вела урок в одном из своих классов, когда за окном послышался шум. Он был очень сильный — будто на аэродроме самолет заводят. В классе закачались лампы, штукатурка с потолка посыпалась. Я сразу поняла, в чем дело, и закричала: "Дети, бегите на улицу!.." И сама выбежала вслед за ними. Наша часть здания уцелела, а соседняя рухнула. Да, да тоже школа... (Плачет). Там занималась моя дочь Маргарита. Ей четырнадцать лет. Я побежала туда вместе с другими, кто оказался на улице, и слышала, как дети кричали из-под камней:

"Помогите, помогите!.." Мою, спасибо, откопали быстро. Голова в крови, места живого нет... Да, да, она сейчас здесь, но ничего не помнит... Люди помогли донести ее до больницы. Там здание тоже было наполовину разрушено, много врачей погибло. Кто остался в живых, работал прямо на улице: уколы, перевязки... А кругом — одни развалины. В Ереван нас довез знакомый на своей машине. Только, пожалуйста, не надо про нас писать — не дай бог, мама моя узнает!..

С немалым трудом убедили мы собеседницу, что в такой огласке нет ничего страшного. Наоборот, пусть знает Ирина Дмитриевна Чередниченко, проживающая в Павловском районе Краснодарского края, что ее дочь и внучка Маргарита живы! Со многими другими судьба обошлась в тот день гораздо суровее...

На помощь армянским детям пришла вся страна. В больничных коридорах мы встречали врачей из разных республик и областей. Вот, например, врач-психоневролог Виктор Николаевич Куцоконь. Он прибыл из Волгограда в составе группы из 7 человек. Когда-то служил в Армении, имеет друзей армян. Узнав о землетрясении, поспешил в волгоградский горздрав и застал там десятки таких же, как он, добровольцев. Все формальности были улажены на удивление быстро — можем ведь, когда очень надо! В ту же ночь уже был со своей бригадой в Ленинакане, оперировал людей в помещении старой, менее пострадавшей от толчка горбольницы. Рядом, помнится, работали воронежцы — отличные ребята! Когда рассвело, занимались эвакуацией раненых, сопровождали их до аэропорта. Очень большие потери времени из-за транспортных "пробок" и неразберихи...

Даже профессиональные медики приезжают оттуда в состоянии шока, сообщила нам главный врач детской больницы. А уж о простых смертных и говорить не приходится. Люди или становятся "сверхразговорчивыми", готовыми взахлеб рассказывать обо всем, что видели, первому встречному, или же, наоборот, замкнувшись в себе, словно немеют.

Тринадцатилетняя Света, доставленная в больницу с относительно легкой травмой из поселка близ Ленинакана, производила в этом смысле впечатление "золотой середины". Не чувствовалось в ней ни какой-то особой возбужденности, ни заторможенности. Говорит неторопливо, на вопросы отвечает с толком. И только потом начинаешь задумываться: а может быть, как раз в этом недетском, лишенном эмоций отношении к пережитому кошмару — отклонение от нормы?

...В классе шел урок физики, когда трехэтажное здание вздрогнуло, почти сразу обрушились стены и потолок и пол ушел из-под ног. Света оказалась этажом ниже с ребятами из другого, кажется более старшего, класса, в кромешной тьме, придавленная чем-то тяжелым. Слышала крики о помощи,

стоны, но сама кричать не могла, только тихо переговаривалась с незнакомой девочкой, замурованной где-то рядом: "Ты живая?" — "Да". — "А тебе больно?" — "Больно..." Довольно скоро, может быть через полчаса, пришли солдаты и освободили Свету.

В этом месте ее рассказа, завороженные благополучной концовкой, мы совершили непростительный промах:

— А что, папа с мамой приходят к тебе?

И — осеклись при виде округлившихся глаз главврача. Впрочем, Света и на сей раз ответила вполне спокойно:

— Нет, не приходят. Папа, мама и братик еще не знают, что я здесь.

Потом нам сказали: не существует больше того поселка. Из его жителей чудом уцелели лишь единицы, и эта девочка в их числе...

Проблема сиротства, может быть, самая долговременная из всех проблем, порожденных бедствием. Ибо раны залечатся, города отстроятся, а родителей этим детям не вернешь. Впрочем, действуя сообща, можно по крайней мере облегчить их беду. Уже через несколько дней после катастрофы в Армении была налажена довольно эффективная служба поиска родителей и детей, потерявших друг друга. Данные о каждом из пропавших без вести (десятки тысяч имен) закладывались в ЭВМ, советский и республиканский детские фонды взяли эту работу под свой контроль, было налажено издание и распространение соответствующих списков и фотографий. Многим это помогает и еще поможет найти пропавших сыновей, дочерей, внуков, племянников... А как быть остальным?

В день нашего посещения детской больницы в кабинете главного врача, почти не умолкая, звонил телефон. Незнакомые люди помимо предложений разного рода помощи просили отдать им на воспитание кого-то из малышей. Свидетельствуем: потенциальных приемных родителей оказалось гораздо больше, чем сирот. Однако и это, будем реалистами, не решит всей проблемы.

Эхо землетрясения еще напомнит о себе "демографическими волнами", подобно эху прошедшей войны. И только мудрость и милосердие всего общества могут облегчить горе, опалившее детские души.

ДЛЯ СТРАХА БОЛЬШЕ НЕТ МЕСТА

Увидеть, узнать как можно больше, везде побывать, переговорить с максимально возможным числом людей было главной нашей задачей в те трагические дни. Для газеты чрезвычайно важен "эффект присутствия" ее специальных корреспонден-

тов, и это вполне совпадало с нашими личными устремлениями. Именно поэтому во многих местах мы побывали не однажды и волей-неволей сравнивали увиденное тогда и сейчас, искали признаки перемен в обстановке, настроениях людей...

В Ленинакан мы снова приехали ночью, уже через два дня. Совпадение было не случайным, нам очень хотелось узнать, изменилось ли что-нибудь за минувшие двое суток в городе.

Да, конечно, изменилось, хотя и не сразу понимаешь, что́ именно. Над этим мы размышляли, наблюдая характерную картину: у развалин многоэтажного здания, представлявших собой бесформенную груду исковерканных обломков железобетона, в багровом мерцающем свете нескольких костров и собственных фар работал подъемный кран. Стропальщики накинули крючья на изуродованную, потерявшую привычный облик, но сохранившую многотонную тяжесть панель-перекрытие. Судя по крикам и жестам собравшихся, очень важно было вырвать этот крошащийся обломок из общего нагромождения обломков: там еще прослушивались голоса заживо погребенных.

С надсадным воем, из последних сил напрягался автокран, но этих его сил явно не хватало — слишком прочно сцепились в образовавшемся месиве куски стальной арматуры. И напрягшаяся ажурная конструкция стрелы, почти горизонтально ложащейся на груду развалин, заставляла многотонную махину крана лишь безнадежно "клевать носом", зарываясь колесами в клубящийся грунт.

Но еще через минуту там, возле панели, уже были люди с ножовками и какими-то самодельными мощными кусачками. Снова взвыл дизель — и изуродованная панель легла наконец в кузов стоявшего наготове КамАЗа, а там, наверху, выстроилась цепочка мужчин, и из рук в руки пошли кирпичи, блоки, обломки железобетона... Стропальщики тем временем цепляли следующую многотонную панель...

Ярость. В действиях людей, в их голосах, походке, лицах появилась холодная ярость, пришедшая на смену растерянности и ужасу первых мгновений и мрачной подавленности последующих часов. Это было самым важным и обнадеживающим изменением.

И людей в Ленинакане стало больше, и машин. Не только подъемной, самосвальной и прочей специальной техники — вообще машин: фургонов, автобусов, частных легковушек. Это бросалось в глаза еще на подступах в Ленинакану: на протяжении многих километров направлявшийся туда транспорт мог продвигаться со средней скоростью не более 3 — 5 метров в минуту. Автомобили стояли в несколько рядов с той и другой стороны, а десятки милиционеров, военных и просто добровольных регулировщиков пытались хоть как-то упорядочить этот поток, а главное — удержать свободной узенькую дорож-

ку на центральной оси, по которой из города и в город, т. е. из аэропорта и в аэропорт, врубив сирены и "мигалки", пробивались машины "скорой помощи".

Транспортные "пробки" возникали и на улицах Ленинакана, где их также помогали рассасывать добровольные помощники автоинспекторов. В обычной одежде, без повязок и жезлов, они выбивались из сил, стараясь втиснуть этот ревущий железный поток в слишком узкое для него русло между развалинами. Разумеется, и здесь приоритет отдавался автомашинам с красным крестом. Однако свободный проезд требовался и самосвалам, вывозившим железобетонное крошево, и машинам с извлеченными из-под руин телами погибших. А дороги становились все теснее, поскольку все большее количество личных автомобилей скапливалось на обочинах — просто брошенных машин, водители и пассажиры которых уже отчаялись добраться "на колесах" до нужной улицы и дальше шли пешком.

Только на пятый-шестой день начали перекрывать движение личного транспорта в районы бедствия. В местных газетах появились сообщения "От Министерства внутренних дел Армянской ССР".

"С целью оказания экстренной помощи населению районов, пострадавших от землетрясения, обеспечения бесперебойной работы при расчищении завалов постоянно формируются и направляются на места автоколонны с предметами первой необходимости, строительная техника и механизмы.

Личный автотранспорт граждан, следующий по этим автодорогам, создает дополнительные трудности в непростой и без того обстановке, вследствие чего сформированные колонны достигают мест назначения с большим опозданием, т. е. задерживается доставка медикаментов, пищи и других жизненно необходимых предметов. Министерство внутренних дел просит и требует немедленного прекращения движения личного транспорта на автодорогах Ереван — Ленинакан и Ереван — Спитак — Кировакан. Выезжать в гг. Спитак, Кировакан и Ленинакан разрешается в случаях крайней необходимости и только по объездным дорогам... Въезд в указанные города запрещен. Автомобили необходимо оставлять на специально созданных стоянках вне черты городов и пользоваться общественным транспортом. В целях обеспечения нормального ритма восстановительных работ необходимо вывезти на эти стоянки все автомобили личного пользования из городов, потерпевших бедствие.

Товарищи! Просим вас осознать, что невыполнение этих требований приведет к задержке проведения спасательных работ".

Но это будет потом, а пока Ленинакан наводнен личными "Жигулями", "Москвичами" и "Волгами". Глядя на эту кар-

тину, мы даже подумали, что не так уж не развита в нашей стране автомобильная промышленность — вон как постаралась.

Впрочем, какие-то автомобили использовались для освещения руин, на которых шли раскопки, но все же основным источником света в ночном Ленинакане, как и основным источником тепла, оставались костры.

Костры, костры... Кажется, само небо над городом обрело зловещий кровавый оттенок. Гарь, клубы удушающей пыли, со всех сторон пронизываемые мельтешащими лучами автомобильных фар. Временами то здесь, то там видны всполохи электросварки; где-то вгрызается в железо спасительное пламя автогена. Уже разнеслась весть, что где-то, где точно — никто не знает, солдаты, разобравшие очередной завал, освободили сразу 200 с лишним человек, и это вселяет новые надежды в добровольных спасателей. Гул моторов, скрежет металла о камень, вой сирен...

Все это очень напоминает хаос, но совсем непохоже на нашу предыдущую ночь, проведенную в этом городе. Люди стряхнули с себя оцепенение и, стиснув зубы, включились в эту страшную, скорбную, но уже приносящую реальные результаты работу, хоть в какой-то степени заглушающую боль. В их действиях, направленных пока что лишь на разрушение уже порушенного, на расчистку места для созидания будущего, все больше чувствуется целенаправленной, координирующей силы.

Чуть позже, когда сквозь автомобильные "пробки" мы все же пробьемся к знакомому нам штабу, станет известна примерная цифра: на разборке завалов в Ленинакане заняты 60 тыс. человек, как местных, так и приехавших из разных районов Армении и всей страны. Рядом со штабом мы увидим наглядное тому подтверждение — бумажки, кое-как пришпиленные к железным воротам, на армянском, грузинском, русском и других языках...

Эти ворота потом покажут по телевидению и объяснят прикрепленные к ним объявления попытками людей отыскать пропавших без вести родственников. Нет, то были сообщения о местах сбора добровольцев-спасателей — студентов, рабочих, служащих. Каждой группе отводилось определенное место, свой "горящий объект" — очередная груда развалин.

Увы, штаб все еще не мог обеспечить их всех ни механизмами, ни даже осветительными приборами и "движками". "На 168 объектов у нас пока имеется лишь 130 автокранов", — сообщил нам председатель исполкома Ленинаканского горсовета Э. Киракосян. Со всех сторон на него наседали с многочисленными вопросами, просьбами, требованиями. Он реагировал быстро, решения принимал мгновенно, только щеки — черные от щетины, глаза, набухшие влагой от горя и бессонных

ночей. Мы узнали: Эмиль Микаэлович потерял здесь, под обломками, ближайших родственников, многих друзей... Постепенно это стало известно и тем, кто обрушился на него с упреками: почему, мол, нет техники? Сочувствуя чужому горю, люди расходились по местам и продолжали работать. Многие завалы разбирались вручную, обломки передавались из рук в руки, по живым цепочкам. Но так ли должны вестись спасательные работы в условиях, когда каждая минута — на вес чьей-то жизни?

Впрочем, об этом разговор еще впереди, а пока мы продолжим рассказ о людях, оставшихся в Ленинакане в дни бедствия, и о тех, кто пришел им на помощь. Как же они здесь жили в те дни, где спали, чем питались?

Люди спали либо у костров под открытым небом, либо в автомобилях и автобусах. К счастью, в те злополучные дни морозы еще не пришли в Армению, хотя по ночам уже коченели без перчаток пальцы и трудно было держать карандаш и блокнот. Что же касается всего необходимого для жизнеобеспечения — еды, питьевой воды, теплой одежды, обуви и белья, даже бензина, — то это непрерывно, круглые сутки подвозилось в город и в определенных, всем известных местах бесплатно раздавалось людям. Правда, никто не знал, в какое время привезут, допустим, хлеб, а в какое — одеяла. В распределении на первых порах вообще не было никакой системы — кто подходил, тот и получал.

Кто же осуществлял доставку предметов первой необходимости? Весь народ. Поверьте, это не преувеличение и не красивая фраза. Конечно, штаб ежедневно передавал куда-то "наверх" сведения о потребностях города, установилась налаженная, организованная система подвоза. Но "сработала" и личная, групповая, коллективная инициатива людей, не нуждающихся ни в каких руководящих командах. Скорее даже наоборот, требовался некоторый регламент, определенное сдерживание, дабы этот стихийный порыв сострадания не усугубил и без того сложную ситуацию.

На одной из бывших площадей Ленинакана мы видели только что снятые с подъехавшего фургона ящики: хлеб, минеральная вода в бутылках. Кому нужно было — подходили, брали. А с другого конца площади тоже шли люди с хлебом, причем явно не магазинным. Вспомнилось, как накануне в ереванском аэропорту "Эребуни" встречали вертолеты с ранеными из зоны бедствия. И когда разлетелись с сиренами, с синими вертушками медицинские "рафики" и машины "скорой помощи", к трапу вдруг подкатило такси. Его заднее сиденье и багажник были забиты лавашем и хлебом ручной выпечки — все "туда", в зону бедствия. Мы поинтересовались у водителя: кто отправитель? В ответ — недоуменное пожатие плеч: "Что значит "кто"? Люди..."

Сюда, в Ленинакан, с первого же дня постоянно привозят продукты крестьяне из деревень соседней Грузии и раздают их прямо на улицах, особенно там, где идут работы, — спасателям отбирают лучшие куски... Они же порой даже забывают поесть...

И еще одно наблюдение: проходит страх перед неразрушенными стенами. В ту первую ночь все инстинктивно держались подальше от домов, в "открытом пространстве". Даже добровольцы, вызволявшие засыпанных из-под развалин, предпочитали перемещаться по верху рухнувших строений, стороной обходя уцелевшие: кто знает?.. На здании административно-бытового комбината завода шлифовальных машин долгое время висели тела двух молодых парней, не успевших выпрыгнуть: обоим зажало ноги, и они повисли вниз головами прямо на стене. Наконец нашлись люди похрабрее — сняли.

Но то было в первый день, а теперь ленинаканцы стараются не обращать внимания на опасность, хотя только на протяжении предшествующего дня в городе зафиксировано еще около полутора сотен подземных толчков, к счастью не повлекших новых разрушений. Ярость, холодная ярость вытеснила страх.

Но ее, увы, недостаточно, чтобы действовать так, как надо бы...

ПРОФЕССИЯ ИСКАТЬ ЖИВЫХ

Чем основательнее мы знакомились с тем, как организованы и ведутся спасательные работы в зоне бедствия, тем сильнее нарастало в нас чувство какого-то неосознанного протеста. Понимая, что люди впервые оказались в такой критической ситуации, что у многих из них нет опыта и должной подготовки, мы не знали самого главного: как же следовало действовать в предложенных стихией обстоятельствах?

Любое дело нужно делать профессионально. Эта аксиома, увы, очень часто встречающаяся в наших обыденных разговорах лишь как теоретическая посылка, с обнажающей ясностью выявилась здесь, в районе бедствия.

Мы уже писали о том, что в самые первые часы после землетрясения многие погребенные под обломками были спасены родственниками, товарищами по работе, добровольцами из местных жителей. Но гораздо больше засыпанных, замурованных оставалось под развалинами. Чтобы откопать их, требовались не только техника, но и специалисты — люди, знающие, как искать, где искать, как разбирать завалы и пробивать ходы к ожидающим помощи.

Такие специалисты начали прибывать в Армению — прежде

всего в Ленинакан и Спитак — на вторые и третьи сутки. В Ленинакане уже ходили легенды о высокопрофессиональной работе горноспасателей из Донецка. Они трудились на разборке развалин чулочной фабрики, немало людей обязаны им жизнью. Но при всем мужестве и подготовленности этих парней к работе в столь сложных условиях поиск жертв землетрясений — "не их профиль". Да и не слишком много свободных спасателей могли выделить рудники и шахты страны. Поэтому Советское правительство с большой благодарностью приняло предложения многих стран мира о посылке в Армению специалистов по работе в экстремальных условиях стихийных бедствий, в том числе землетрясений.

Нам повезло: мы оказались в Ленинакане в тот самый момент, когда туда прибыла первая группа спасателей из Франции. Все в том же штабе седой офицер в малознакомой для нас форме (вот только фуражка характерная — мы запомнили ее еще по портретам генерала де Голля) объяснял методику работы своих парней:

— У нас тринадцать натренированных собак. Они умеют искать места, где заживо погребены люди. Это нужно, чтобы не разбирать весь завал, а копать там, где помощь нужна в первую очередь. Собака указывает примерное место — район поиска сужается. Мы привезли с собой и специальные устройства для направленного прослушивания завалов. Обнаружив живых, сначала пробиваем узкий колодец, через него опускаем воду, пищу, медикаменты, а потом начинаем разбирать завал или рыть ход — где как придется.

Подполковнику Пьеру Леруа — так зовут командира группы спасателей — задают вопросы, еще и еще. Честно говоря, мы не очень понимаем, зачем расспрашивающим столько подробностей. Разве французы нуждаются в советах? Ведь уходит время...

Но совещание продолжается. Кто-то из участников разговора постоянно переспрашивает: "Ваши собаки могут искать только живых? Мертвых не могут?"

Постепенно выясняется, почему звучит такой вопрос. Важно найти не только живых, но и погибших, которых нужно похоронить, как того требуют обычаи — национальные, общечеловеческие наконец.

Пьер Леруа удивлен:

— Конечно, мертвых хоронить нужно. Но для этого не требуются спасатели. Наши собаки могут искать и живых, и мертвых, но наша техника, наши люди существуют для того, чтобы спасать тех, кого еще можно спасти. Разве сейчас не это самое важное?

Он совершенно прав, подполковник французских военно-воздушных сил, избравший самую человечную из всех военных специальностей. Мы вспоминаем страшную формулу ака-

демика Чазова: каждый час промедления — это двадцать дополнительных смертей на тысячу погребенных. А прошло уже шестьдесят часов. Но быть может, опыт французов свидетельствует об ином?

Протискиваемся к подполковнику, задаем всего три вопроса: какой опыт за плечами французских спасателей, сколько они намерены здесь работать и — самое главное — как долго, по их мнению, могут продержаться люди под развалинами зданий?

Ответы по-военному четки: есть опыт разбомбленного Бейрута и землетрясения в Мексике. Приходилось работать в Египте, в Германии, во Франции и в некоторых других местах. Срок пребывания зависит от правительства — мы готовы работать, пока есть хоть какая-то надежда. Опыт Мексики показал — живых можно найти и через десять дней.

Пьер Леруа очень торопится. Он стремительно направляется за первым секретарем Ширакского райкома партии Спартаком Петросяном. Французская группа расположится во дворе у здания райкома, а работать будет по соседству, на школе № 9. Но уже в дверях подполковника еще кто-то задерживает. Через переводчика ему объясняют, что французских спасателей сейчас постараются накормить, но пусть подполковник простит некоторую скудость стола...

Невозмутимый до того Пьер Леруа взрывается. Отчеканив какую-то фразу, он энергично тычет пальцами себе под ноги.

— Что он сказал?

— Он сказал: "Там, внизу, тоже еще не ели!"

Спустя час, прибыв на место и подготовив необходимое снаряжение, французы приступили к работе.

Они очень молоды, французские спасатели. Все — военнослужащие из специальных частей, прошедшие особую подготовку. Солдаты, занимающиеся поистине святым делом. Все — добровольцы. Когда французское правительство предложило нам свою помощь, парни подали рапорты: каждый просил послать именно его. Об этом нам рассказывал переводчик Гарик Хачатурян. Он ереванец, администратор интуристовской гостиницы. К сожалению, работники МИД СССР лишь через несколько дней спохватились и прислали в Армению переводчиков, а первое время прибывавшие сюда группы иностранных специалистов были вынуждены общаться со своими советскими партнерами с помощью жестов.

Французам еще повезло — Гарик Хачатурян оказался неплохим лингвистом, да и в самом Ленинакане нашелся инженер, немного знающий французский.

Пока спасатели облачались в спецодежду и готовили снаряжение, Гарик делился с нами информацией, полученной по дороге от Еревана до Ленинакана:

— Все восемьдесят четыре человека — из Марселя. Точно

такая же группа летит из Парижа. Пьер Леруа на подъезде к Ленинакану заметил, что положение, видимо, очень серьезное. Когда въехали в город, французы не отрывались от окон. Подполковник, пять раз побывавший в Бейруте после ракетных обстрелов и бомбежек, сказал: "Такого я еще не видел. То, что здесь произошло, — страшная катастрофа". И офицеры, прошедшие через землетрясение в Мексике, с ним согласились...

Прерывая наш разговор, колонна французских спасателей (в голове — проводники с собаками) быстрым шагом проследовала на объект.

...Школа оказалась пятиэтажной. Точнее, это были два здания: старое и новое — пристроенное. Старое устояло, а новое рухнуло. Сколько под ним осталось детей и взрослых — неизвестно. Говорят, что в первую смену в обоих помещениях занималось 988 детей. Шел урок...

Эти двое с половиной суток здесь не прекращалась работа. Родители погребенных учеников и студенты ленинаканских вузов, солдаты, добровольцы, прибывшие сначала из Еревана, а потом не только со всей Армении, но и из других республик, в первую очередь откапывали школы. Они делали, что могли! Слой за слоем убирали обломки, снимали искореженные плиты перекрытий, пробиваясь все ниже и ниже. На этом объекте уже откопали 300 детей и учителей. Живых было мало. Кто-то из спасателей утверждает, что уцелел всего один мальчик, другой возражает: пятеро — трое детей и двое взрослых, но все — без сознания.

Французских спасателей в черных кожаных куртках с монтажными поясами, в белых касках с пылезащитными стеклами встретили как последнюю надежду: может быть, им повезет больше?

Первой пошла собака. Крупный черный пес из породы немецких овчарок с умной мордой покрутился вокруг места, где только что велись раскопки, потом заторопился к щели между зависшими на одном краю плитами перекрытий, вернулся, отбежал чуть дальше, сделал круг... И вдруг лег. Неужели?..

— Может быть, — подтвердил офицер. — Но нужно прослушать это место.

В плиту вбивается специальный ломик. Звучит команда, сразу же переводящаяся с французского на русский, а с русского на армянский: "По моему сигналу прекратить любую работу, не двигаться, не разговаривать!"

На то самое место, где только что лежала собака, устанавливается прибор направленного прослушивания. Французский солдат, скинув каску, сливается с наушниками.

— Атансьон!

Несколько резких ударов по ломику — и все замирают.

На такой звук должен как-то отозваться даже находящийся без сознания — задвигаться сильнее, а значит, и громче задышать... Если расстояние не слишком велико, аппарат услышит даже учащенный стук сердца.

Француз делает отрицательный знак головой: живых здесь нет.

— Эх, — с горечью говорит нам один из ереванских добровольцев, Агван Гукасян. — Этих бы французов с их аппаратурой сюда в первый же день! Ведь никто не знал, где точно искать, копались вслепую. А где-то рядом ребятишки помирали...

Потом стало ясно, что за место указала собака. Она не ошиблась: под теми плитами был погребен целый класс вместе с учительницей английского языка...

А французские спасатели продолжали поиск. Установив передвижную электростанцию, они залили светом всю площадку бывшей школы. Взявшись за ломы и лопаты, разбирали слой за слоем, чтобы снова установить свой аппарат и искать, искать живых!

Первая находка оказалась печальной: обнаруженная девочка уже не дышала. И тогда все вместе — французы и армяне — встали в ряд, передавая из рук в руки, как ведра на пожаре, тяжелые туфовые блоки. Вместе они цепляли тросы и краном выдергивали тяжелые плиты. Они уже научились обходиться без переводчиков и отлично понимали друг друга...

Вторая половина группы французских спасателей работала на развалинах длинного, многоподъездного девятиэтажного дома. Но и здесь первая находка не принесла радости.

Французы продолжали поиск. Даже если они найдут в Ленинакане лишь одного живого — и тогда их усилия окажутся не напрасными. Но Пьер Леруа надеется на большее, ведь пока истекло только трое суток из отмеренных им десяти...

Если бы они прибыли раньше!.. Если бы у нас самих были специальные спасательные команды, оснащенные и обученные таким образом... Только здесь, в Армении, мы поняли, как дорого в наши дни ценится профессионализм — на человеческие жизни.

Мы не знаем в точности, сколько людей спасли в Армении французские спасатели. Называют разные цифры — и 60 человек, и 40. Неизвестно, сколько потом выжило из этих спасенных. Конечно, хотелось бы назвать большие, "впечатляющие" цифры, но разве даже одна жизнь — это мало?

В том же Ленинакане уже не французские, а австрийские спасатели через 135 часов после землетрясения откопали под развалинами жилого дома на улице Герцена женщину. Никто уже не надеялся, что там, в давно молчащих развалинах, остался хоть один живой человек. Но умный пес-розыскник привел своих хозяев к громадному холму, и австрийцы почти

сутки рыли ход и вытащили женщину по имени Анаит. Это была шестая жизнь, спасенная парнями, прибывшими по зову сердца из Австрии. Низкий им поклон за сострадание и мужество. Отдадим должное и высокому профессионализму этих людей.

Но разве нам самим не требуются такие же профессионалы?

РУИНЫ И МИЛОСЕРДИЕ

...Вечером 11 декабря, в воскресенье, по улицам и крышам Еревана забарабанил все усиливающийся дождь, и это добавило тревоги врачам, продолжавшим принимать раненых из зоны бедствия. Мокрые дороги — значит, машины "скорой" теряют драгоценные секунды, хотя путь невелик: аэропорт "Эребуни" расположен практически в городской черте Еревана, да и "Звартноц" тоже недалеко. И там, и здесь круглые сутки стоят наготове 10 — 15 медицинских "рафиков", дежурят бригады врачей. В считанные секунды принимаются доставленные по воздуху пострадавшие — и машины срываются с места.

Все эти дни самоотверженно работают военные авиаторы и их коллеги из Аэрофлота. Воздушный мост Ленинакан — Ереван действует практически круглосуточно, и даже в Спитак, где нет нормально оборудованных посадочных площадок, вертолетчики летают с раннего рассвета до полной темноты.

В аэропорту "Эребуни" кроме машин "скорой помощи" на всякий случай дежурят десятки личных автомобилей — вдруг понадобятся. Добровольцы стоят с носилками наготове. Но медиков хватает: самолеты и вертолеты, бывает, привозят всего по 5 — 8 человек, только что извлеченных из-под развалин. Ни один раненый не должен ждать — слишком дорого время, поэтому авиаторы работают "челночным методом". И все-таки случается, что люди умирают прямо в пути.

— В какие больницы везут отсюда раненых? — с таким вопросом мы обратились к старшему врачу центральной подстанции "скорой помощи" Михаилу Габриэляну.

— Это определяет бригада медиков уже в машине. Сначала мы планировали осматривать пострадавших при выносе из самолета или вертолета и в зависимости от состояния, характера травм направлять в ту или иную больницу. Оказалось, что мы теряем время. Перестроились на ходу: теперь осмотр идет в машине, пока она выезжает из аэропорта в город. По рации врач сообщает в центральную диспетчерскую, какая нужна помощь, оттуда немедленно указывают маршрут: в военный госпиталь, хирургический центр, в нашу клиническую больницу или еще куда-нибудь.

Пока мы слушаем объяснения, прямо на площадку садится очередной военно-транспортный Ми-6, вплотную к нему

тотчас же подъезжает "рафик" с красным крестом на борту. Раскрываются створки фюзеляжа. Первыми спускают носилки с 10–12-летним ребенком. Следующие — тоже с ребенком, но постарше. И опять носилки с ребенком. И еще... Вертолет из Ленинакана — видно, раскапывают школу. На следующих носилках — пожилой мужчина, потом выносят женщину. Как она кричит!.. Остальные раненые лежат молча, неподвижно, в забытьи...

Вертолет доставил 8 человек. Всего 8...

— Раненых из зоны бедствия поступает все меньше и меньше, — сообщили нам днем в Министерстве здравоохранения республики. — При любых других обстоятельствах это можно было бы счесть за благо. Но в данной ситуации радоваться нечему: сейчас из-под развалин все больше извлекают тех, кому медицинская помощь уже не требуется.

А живые... Их состояние тяжелое. В больницах Армении, и прежде всего Еревана, находится уже свыше 6 тыс. пострадавших. Врачи делают все возможное, чтобы спасти жизнь, казалось бы, совершенно безнадежным. Сделано более 2600 сложнейших операций, многих пострадавших самолетами отправили в Москву, в специализированные институты, но основная борьба за жизнь людей идет здесь, в Армении. Тем не менее уже к воскресному полудню в клиниках Еревана скончалось 200 человек...

К счастью, не обходится и без подарков судьбы. Накануне в Центральную клиническую больницу скорой помощи доставили 62-летнюю Розу Аракелян, продавщицу из Ленинакана, все эти дни пролежавшую под развалинами магазина. Ее спасли военные. Роза Егоровна была не только жива, но и практически здорова — лишь множественные царапины и шок, вызванный нервным потрясением. Ей невероятно, фантастически повезло, но таких в клинике очень немного. Если в первые дни сюда поступало по 150 человек в сутки и многие находились в удовлетворительном состоянии, то теперь уже привозят втрое, вчетверо меньше и очень тяжелых...

— У нас хорошая больница, — рассказывает заместитель главного врача по лечебной части Нина Товмасовна Надирова. — Современная реанимационная, оснащенная необходимым оборудованием, умелые специалисты: нейрохирурги, хирурги, травматологи. Случись такая беда лет пятнадцать — двадцать назад — половина поступающих сейчас к нам больных не имела бы ни одного шанса на выживание. А сегодня спасаем очень многих. Не отходят от операционного стола завкафедрой нейрохирургии Сурен Гегамович Зограбян, другие ведущие специалисты. Но очень уж тяжелые травмы — переломы позвоночника со сдавливанием спинного мозга, черепно-мозговые повреждения. Многие к тому же с синдромом длительного сдавливания...

Да, это, пожалуй, один из самых распространенных диагнозов, которые ставят спасенным в Ленинакане, Спитаке, Кировакане... По предложению министра здравоохранения СССР Е. И. Чазова больные с такими травмами сосредоточиваются в Ереванском филиале Всесоюзного центра хирургии — их здесь уже более 700 человек и еще 170 отправлено в Москву.

С первых же дней в Ереванском филиале работают специалисты из московских институтов, имеющие опыт лечения этого зловещего синдрома. Вскоре сюда стали поступать из-за рубежа — из Великобритании, США, других стран — аппараты "искусственная почка". Их немедленно запускали в работу.

— Развернули новые отделения, — рассказывал нам директор филиала Александр Микаелян, — одно — для спинальных больных, второе — восстановительной ортопедии. Огромную помощь оказали академики А. Воробьев, А. Коновалов, специалисты институтов Вишневского, Склифосовского, Ленинградской военно-медицинской академии...

В филиале мы нашли и врачей из "института Илизарова" — Курганского научного центра "Восстановительная травматология и ортопедия".

— Масштабы бедствия мы осознали лишь на второй день после землетрясения, — делился своими впечатлениями аспирант этого центра травматолог Казбек Кудзаев. — Сомнений не было: надо лететь. В бригаду вошло восемнадцать человек. Упаковали все, что можно было взять с собой в самолет, — и в аэропорт. Уже в воздухе отработали три варианта возможных действий, а когда приземлились в "Звартноце", разбились на три бригады и разъехались по больницам.

— Казбек, сыночек, цавт танем (возьму твою боль. — *Авт.*)! — тянется к Кудзаеву пожилая женщина. Она еще не может встать с постели после тяжелой операции. Не прошла своя боль. А женщина, прошедшая ад Спитака, говорит осетинскому врачу слова, в которые армяне исстари вкладывали всю свою душу: "Возьму твою боль..."

Мы обходили с Кудзаевым палаты, где лежат его пациенты — дети, молодые парни, люди пожилого возраста, мужчины и женщины. Как только открывалась дверь и больные видели своего доктора, их лица расцветали улыбками. Кто мог — поднимался на ноги.

Мужчина на костылях отрапортовал: "Завтра тоже вставал!"

Казбек не стал поправлять языковую погрешность, обнял раненого за плечи, подтвердил: "Правильно говоришь, будешь вставать и завтра, и послезавтра — всегда!"

Заплакала в другой палате женщина, прослышавшая, что Казбеку рано или поздно придется возвращаться в свой Курган: "Не уезжай, доктор..."

Врачи, приехавшие на помощь армянским коллегам, в

один голос хвалили местных хирургов, отмечая их высокий профессионализм, — Альфреда Мкртчяна и Виктора Азатяна, Валерия Петросяна и многих других — обо всех не напишешь.

Об их доброте, самоотверженности, милосердии мы могли судить не только по оценкам коллег.

Нора Рубеновна Едигарова, человек добрейшей души, заведует отделением сердечной недостаточности. Удивило парадоксальное несоответствие этого названия облику стоявшей перед нами женщины, особенно когда мы услышали историю о девочке с перебитыми ногами, потерявшей под руинами родного дома своих родителей. Девочка отказывалась принимать лекарства: страшное потрясение выбило ее из психического равновесия. Как быть? Как убедить девчушку, что лекарства безвредны? Нора Рубеновна доказала это своим примером: сначала принимала их сама, потом, глядя на нее, осмелела и маленькая пациентка. Теперь Едигарова шутит с нею, смешно поднимая брови: "Кто будет отвечать за перерасход витаминов?"

Девчушка уже улыбается, но время от времени опять отворачивается к стене и думает о чем-то своем...

Может быть, в конце концов у нее найдутся какие-нибудь родственники, может, уцелел кто-то из них — бывает и такое...

Еще идут спасательные работы в Спитаке, Ленинакане, Кировакане, а ЦК комсомола Армении организовал службу поиска родных и близких. Оперативно подключился к этой работе Советский детский фонд имени В. И. Ленина. Сначала за основу взяли списки пострадавших, размещенных в ереванских больницах. Ежедневно копии этих списков доставлялись в управление здравоохранения Ереванского горисполкома. Начальник управления выделил специальный кабинет, два телефона, дал объявление в газету: кто нуждается в сведениях о своих родных и близких — обращайтесь! Позже подобные списки начнут печататься в "Информационном бюллетене". Первым был список пострадавших, увезенных в больницы Грузии.

"Уважаемые товарищи, — сказано в бюллетене, — список неполный и неточный, но тем не менее мы посчитали своим долгом опубликовать имеющуюся информацию. По мере поступления новых сведений список будет уточняться и дополняться. По всем вопросам просим обращаться по адресу: Ереван, проспект Маршала Баграмяна, 18, ЦК ЛКСМ Армении, группа "Поиск"..."

Список действительно был неточный и неполный. Первой строкой, например, шло "12 неопознанных — ЦРБ (Центральная республиканская больница)". Понятно, люди были без сознания, как узнать имя, адрес?

Еще графы: "Неизвестный мужчина — Ленинакан — Грузия — брат забрал". Следовало читать: "Неизвестный мужчина, доставленный из Ленинакана в Грузию. У него нашелся

брат, который забрал пострадавшего до того, как медики успели заполнить документы".

Еще графа: "Неизвестный мужчина – Ленинакан – Тбилиси, реанимация". Здесь и без разъяснений все ясно.

Потом редакции еженедельника "Семья" и республиканской молодежной газеты "Комсомолец" начнут выпускать специальный бюллетень "Надежда" с фотокарточками и приметами детей, оставшихся без родителей, и с фотографиями из семейных альбомов – это родители искали своих детей. Вот снимок 6-летнего Саркиса Симоняна. К нему даны пояснения: "На верхней части носа – синяк. Был перевезен из Ленинакана 9 декабря в промежутке от 4 до 5 часов". Значит, жив, ищет родных. А вот фотография маленькой Рипсимэ Симонян, которую разыскивает Сергей Вараздатович Симонян. Найдет ли? Дай-то бог...

А смерть продолжает свою страшную жатву: 11 декабря при подлете к Ленинакану разбился военно-транспортный Ил-76 с грузом и людьми; 69 человек, призванных в ряды частей гражданской обороны, и 9 членов экипажа пополнили скорбный список жертв трагедии. На следующий день, 12 декабря, при подлете к Еревану потерпел аварию югославский самолет...

Узнав об этом, мы сначала не поверили – не может быть!.. Но нам ответили: сведения верны. Это был тоже военно-транспортный самолет, Ан-12. Командир экипажа подполковник Предраг Маринкович, второй пилот майор Владимир Эрчич, пилот капитан Миленко Симич, штурман подполковник Милан Мичич, прапорщики Бориша Мошурович, Милисав Петрович, Йован Зисов летели из Скопле... На борту были медикаменты, продукты, палатки, аппаратура для поиска оказавшихся в завалах людей, оборудование для резки арматуры и бетона. Они знали, что требуется в таких ситуациях, ведь Скопле – один из городов, которые входят в список пострадавших от сильных землетрясений в нашем веке...

Трагическая весть молнией облетела Армению и вызвала новую волну скорби: югославские братья летели на помощь и погибли сами. Каждый армянин, каждый советский человек склоняет голову перед их памятью...

Почему, почему стали возможны эти потери? Тогда мы еще не знали результатов расследования, но понимали: в воздухе над Арменией такое же столпотворение, как и на земле,– в иные дни очереди на посадку ожидала чуть ли не сотня самолетов и вертолетов. А Армения – горная страна, и это нужно учитывать в показаниях приборов, в ходе маневрирования при посадке.

Погода ухудшалась с каждым часом. В ночь на понедельник 12 декабря в Ленинакане пошел холодный дождь, в Спитаке – снег. Это сильно осложнило ситуацию. Но тем не менее

только за воскресенье в Ленинакане извлекли из-под руин еще 64 живых человека, в Спитаке — 20.

Позже мы узнаем, что последний живой будет найден в Ленинакане 24 декабря. Долго будем допытываться, кто же он, этот счастливец, и, не добившись точного ответа, получим новые сведения, что вроде бы еще одного живого нашли 26 декабря. Вроде бы...

Легенды о чудесных спасениях будут рождаться до середины января, и им будут радостно верить. О 17 живых, вытащенных в начале января из-под развалин Спитакского элеватора. Потом Центральное телевидение опровергнет собственную информацию... Не хотим сказать худого слова в адрес коллег — всегда хочется чуда, когда речь идет о человеческих жизнях, и в такой ситуации легко ошибиться.

Вечером 12 января по каналам ТАСС было передано сенсационное сообщение: в Ленинакане на тридцать пятый день после землетрясения извлечены из завала 6 человек, и все они живы. Один из них, 50-летний электрик СУ-1 Айказ Акопян, был доставлен в третью клиническую больницу Еревана. Его привезла туда сестра на попутной машине. Где находятся другие спасенные — неизвестно. Айказ Акопян рассказал, что вместе со своими соседями Рафиком Симоняном, Карленом Саркисяном, Ваником Хачатряном и двумя ребятами, имен которых он не помнит, в день землетрясения спустился в подвал своего дома по улице Бульварной, 8. Компания собиралась перенести два больших тяжелых чана, как вдруг задрожала земля, рухнул дом и все шестеро оказались заживо погребенными. У Карлена Саркисяна был перелом руки, остальные получили легкие травмы.

К счастью, в подвале хранились заготовленные на зиму припасы: компоты, заменившие воду, соленья, даже копченый окорок. Ими и питались. Облегчить боль от травм помогли якобы известные хозяину навыки народной медицины. Пострадавшие не имели понятия о случившемся и потеряли счет времени. По словам Акопяна, он делал все возможное, чтобы молодые ребята не сошли с ума — развлекал, успокаивал, рассказывал разные истории из жизни. Он верил, что их спасут, да и судьба была раньше милостива к Айказу: еще в 1985 году при строительстве клуба в Тюменской области он упал с третьего этажа и отделался лишь легким испугом.

Невероятное везение, не правда ли? Один из нас в тот день оказался в Ленинакане — как раз на Бульварной улице — буквально через несколько часов после спасения из-под развалин дома № 8 этих счастливцев, но почему-то никто на улице не рассказал ему о таком чуде. Более того, журналистов сопровождал председатель горисполкома Э. Киракосян, который, давая пояснения, утверждал, что последний живой был извлечен из завала 26 декабря, но вряд ли его удалось

спасти медикам.

В общем сообщение наших коллег требовало проверки. Позвонили ответственному дежурному центрального штаба Ленинакана С. Саркисяну. Он сказал:

— Только что побывал на улице Бульварной, говорил с жителями соседних домов, с семьей Кроянов, живущей рядом с развалинами, из-под которых вроде бы извлекли людей. Ничего подобного мои собеседники не слышали и не видели. Не могу поверить, что такое событие могло пройти незамеченным. А еще раньше, сразу же после телевизионной передачи, на месте происшествия побывала группа работников нашего штаба гражданской обороны. Они опросили всех возможных свидетелей, побывали в больницах, на других объектах, где могли бы оказаться спасенные, но ничего подтверждающего переданную информацию не обнаружили.

Мы навели справки в Минздраве Армении. Первый заместитель министра Г. Арутюнян, оказывается, уже все перепроверил по своим каналам — никого, кроме Айказа Акопяна, он нигде не обнаружил. Откуда же взялись столь сенсационные сведения?

Заведующий отделом здравоохранения и социального обеспечения Совмина Армении Ю. Тунян пролил первый свет на эту историю:

— 12 января, проезжая мимо больницы, увидел группу возбужденных людей. Остановился узнать, в чем дело. Мне сказали, что только что привезли человека, найденного в развалинах спустя 35 дней после трагедии. Откровенно говоря, не поверил, что такое может быть. Уже на работе встретил журналистов и поделился с ними услышанным. А вечером сначала по местному телевидению, а затем и по "Времени" увидел А. Акопяна. Об остальных спасенных не имею никаких сведений. Считаю, что информация нуждается в тщательной проверке...

О чудесном избавлении сообщили в тот день многие центральные газеты, но редакция "Известий" все-таки решила собрать более полные сведения. Материал об Айказе Акопяне "Известия" поместили, но вместе с теми подробностями, о которых мы сейчас рассказываем, и следующим комментарием врача-психиатра: "У него сильное истощение нервной системы, большой страх... до сих пор боится падающих обломков, просит защитить голову. И все же человек в трезвой памяти. Помнит, как оказался в подвале, рассказывает о семье (пока он не знает, что жена и дети погибли), о работе. Даже узнал соседа по палате, который тоже ленинаканец..."

В общем сведения требовали дополнительных поисков.

Увы, уже на следующий день выяснилось, что весть о спасении через 35 дней всего лишь легенда. Наши коллеги-жур-

налисты узнали: в первых числах января, когда Айказ был якобы под обломками, он приходил в одну из ленинаканских больниц за лекарством. Удалось найти и сестру Айказа, которая призналась: сочинила историю о высвобождении через 35 дней для того, чтобы положить брата в хорошую больницу...

Окончательное мнение всех специалистов было таким: А. Акопян, по всей видимости, действительно пострадал во время землетрясения, но ни о каком пребывании под обломками в течение месяца не может быть и речи. Это недоразумение.

— Наш подопечный, несомненно, страдает хроническим заболеванием легких, — подвел черту член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, заведующий кафедрой диагностики внутренних болезней Ереванского мединститута Г. Бадалян. — Мы установили у него легочно-сосудистую недостаточность второй-третьей степени. Делается все, чтобы поскорее поставить его на ноги...

Добавим: Айказу Акопяну предстоит и длительное лечение у психиатров. Ведь сам он поверил в свой рассказ не в "корыстных целях", а в результате сильнейшего нервного потрясения. Будем надеяться, что все обойдется.

Очень не хотелось расставаться с этой легендой, ведь подспудно мы тоже надеялись на чудо... Зато уточненные официальные сведения о количестве жертв оказались не столь мрачны, как прогнозы первых дней; похоже было, что общее число погибших составило 40—50 тыс. человек. Страшная, катастрофически огромная цифра, но втрое-вчетверо ниже той, которую многие называли в первые дни...

"ВСПОМНИМ УРОКИ ЧЕРНОБЫЛЯ!"

Утром 10 декабря в Армению прилетел М. С. Горбачев.

Нам, журналистам среднего поколения, доводилось бывать свидетелями многих поездок высших руководителей по стране. Этот визит был не похож ни на что виденное нами ранее. В скорбный час национального траура сами собой отпали досужие тонкости официального протокола. Перед лицом страшного горя, перед руинами городов и поселков, у праха десятков тысяч жертв все мы в первую очередь люди. И все мы в этом равны...

Сотни людей, встречавшихся с М. С. Горбачевым в ходе его поездки, видели перед собой прежде всего человека, приехавшего разделить с армянским народом горе. И — помочь в полную меру своих возможностей, огромного своего авторитета. Ситуации, которые при этом возникали, никак нельзя

было предвидеть, тем более запланировать. Импровизированные встречи в Ленинакане и Спитаке, в Кировакане и Ереване вселяли надежду в сердца потрясенных горем людей, давали возможность убедиться: с ними действительно вся страна, их не оставят в беде. Одновременно проявилась, и довольно четко, позиция тех, кому народные боли и раньше, и теперь служили лишь поводом для политических спекуляций.

Поездка М. С. Горбачева достаточно полно освещалась средствами массовой информации. Вновь рассказывать о ее деталях нет нужды. Хотелось бы только напомнить основные мысли и политические оценки, сделанные главой Коммунистической партии и Советского государства в ходе проведенных им совещаний в ЦК Компартии Армении, а также в интервью корреспондентам Центрального телевидения и телевидения Армении 11 декабря.

Главный мотив его высказываний – искреннее, глубокое сочувствие людям, семьям, оказавшимся в беде, всему армянскому народу. "Меня все, что я увидел за эти два дня, просто потрясло". "Случилась тяжелейшая человеческая трагедия. О ее масштабах мы знали и раньше, но такие разрушения и жертвы просто нельзя было представить. Скорбь армянского народа разделяет вся страна".

Спасти живых. По-человечески, в соответствии с обычаями предков, похоронить погибших. Обогреть, накормить всех пострадавших, оставшихся без крова, прежде всего женщин, детей. "Давайте вспомним уроки Чернобыля, – говорил М. С. Горбачев. – Всей страной решали тогда эти проблемы. Землетрясение – не ядерный взрыв, но такое бедствие, как в Армении, сродни ему. В первую очередь надо отправлять детей и женщин в санатории, дома отдыха. Десятки тысяч мест предоставлены для этого в Грузии, Краснодарском и Ставропольском краях. Пусть едут целыми классами с учителями. Эта задача – в ряду первоочередных".

Что же дальше? "Меня спрашивали: будут ли восстанавливаться пострадавшие города? Ответ может быть только однозначным: да, города, поселки и села нужно возродить, ибо это земля предков нынешних поколений, которые не хотят покидать места, где жили их отцы и матери". Выражая восхищение бескорыстием, самоотверженностью тысяч и тысяч людей, которые в первые же часы поспешили на выручку к терпящим бедствие, М. С. Горбачев отметил: "Теперь пошла техника, вся помощь, все ресурсы, все есть. Сейчас решающее значение будет иметь организация дела".

Что и говорить, непосредственный душевный отклик на чью-то беду, готовность поделиться последним всегда составляли сильную сторону советского народа. Вспомним Чернобыль, куда после аварии устремились тысячи добровольцев, уже знавших о радиационной опасности, но готовых пожертво-

вать собственным здоровьем, чтобы помочь совершенно незнакомым людям справиться с ситуацией.

В Армению рвались десятки, сотни тысяч добровольцев. Ежедневно по радио и телевидению, из газет республика узнавала новые и новые адреса, откуда направлялась помощь пострадавшим от землетрясения. В аэропортах Еревана и Ленинакана тесно было от транспортных самолетов, доставляющих технику, людей — не только спасателей, но и строителей, прибывающих для восстановления разрушенных городов и сел.

Авиация не могла перевезти этот огромный объем грузов, техники — и строительные колонны отправлялись своим ходом из Прибалтики и Сибири, из Нечерноземья, с Украины, из Молдавии и Белоруссии.

Уже на третий-четвертый день мы видели результаты работы добровольцев — груды вывезенных из Ленинакана искореженных железобетонных конструкций на обочинах дорог. В населенных пунктах, пострадавших от землетрясения, расчищались площадки под новое строительство.

Но видели мы, к сожалению, и другое — неразбериху, плохую организацию работ, отсутствие деловитости и четкого, точного расчета. Так было, увы, и при спасении погребенных под обломками, так было и просто при расчистке завалов под новое строительство. И мы не могли не понимать, что отсутствие настоящей организованности при приеме помощи больно бьет по настроению людей, чей благородный порыв привел их в Армению в те тяжкие дни.

Совершенно очевидно, что предостерегающие слова М. С. Горбачева о решающем значении организации дела попали в самую точку.

Горько сообщать читателям о таких фактах, в которых буквально сквозит показуха. Одни руководители, играя на патриотизме, отрывали людей от работы и от семей, грузили их в вагоны и... снабжали маломощной, совершенно ненужной в те дни в Армении техникой без горючего. Зато в соответствующих отчетах можно было ставить "галочку" и рапортовать: "Задание выполнено!" А есть ли в итоге хоть малейшая польза от такого "выполнения", их совершенно не волновало — это, мол, не по нашей части и ни капельки нас не касается. Другие — те, что принимали помощь на месте и должны были определить фронт работ, дать людям настоящее дело, — оказывались никуда не годными организаторами и на все справедливые претензии отвечали демагогическими тирадами о всеобщем горе, которое якобы не хотят понять приезжие...

Что ни говорите, а здесь проявилась все та же затхлая атмосфера застоя, еще не выветрившаяся из многих голов, когда можно опошлить все, что угодно, разменять на трескучие

фразы, растворить в очередной бюрократической кампании. Даже слезы, даже кровь человеческую...

Каким, если вдуматься, мертвящим цинизмом веет от всего этого! Именно в нем, а не в экономических издержках кроется главная опасность для нас сегодняшних. Избавиться от тяжкого наследия прошлого, как давнего, так и не очень, помогут и осмысление армянской трагедии, и тяжкий ежедневный труд по преодолению ее последствий.

Необходимость извлекать уроки из прошлых бед, использовать собственный опыт, в том числе и горький, подчеркнута М. С. Горбачевым: "Возрождать эту землю будем непременно. Я видел, какие здесь были красивые места. Конечно, потребуется создать еще одну правительственную комиссию, которая, в частности, разобралась бы, кто виноват в том, что строились здесь высотные дома-"свечки", что в железобетонных плитах бетона, как говорится, кот наплакал, зато песку — сверх всякой меры. Значит, цемент воровали. Кто?"

Годы гласности стали для нашего общества почти непрерывным сеансом болевой, шоковой терапии. Чернобыль... Арзамас... Черновцы... На транспорте — "Адмирал Нахимов", "Приамурье", скоростной поезд "Аврора"... В каждом случае назначены авторитетные комиссии, причины расследуются, виновников, как правило, находят и наказывают (когда есть кого наказать). А несчастий, увы, не становится меньше...

Оговоримся сразу: мы не склонны преувеличивать их количество. Трагедии происходили и раньше, но мы мало что о них знали. Может быть, потому их и было много, что в условиях безгласия трудно принимать эффективные меры, наводить порядок. Правда, одна только гласность не сможет в короткое время дать желаемые плоды — она может лишь помочь в выработке некоего саморегулирующегося механизма, предотвращающего попадания поезда, самолета, теплохода, города в критическую ситуацию. Такого механизма у нас пока нет, армянская трагедия — новое тому подтверждение.

Конечно, нельзя ставить стихийное бедствие в один ряд с "рукотворными" трагедиями вроде столкновения морских судов или взрыва на железнодорожной станции. Но не зря упомянул М. С. Горбачев о рухнувших высотных домах-"свечках". Кто станет отрицать сегодня, что многие оказались жертвами не столько стихии, сколько чьей-то безответственности, а то и прямой корысти?

Пора восстанавливать "социальный иммунитет" — способность общества учиться на собственных горьких ошибках. Идея создания "медицинских войск быстрого реагирования", высказанная М. С. Горбачевым в ходе поездки по Армении, — пример конструктивного подхода к допущенным ранее просчетам.

"На беду в Армении, — подчеркнул он, — откликнулся весь

мир: и наши друзья — социалистические страны, и американцы, и французы, и швейцарцы, пришла помощь от англичан, из ФРГ — всех не перечислишь. В этом и есть человеческая солидарность, проявление общечеловеческих ценностей. Я уж не говорю о реакции нашего народа. Какое благородство, какая готовность прийти на помощь братской республике!"

Да, готовность поделиться последним высказала вся страна. Лишь в обстановке этой всеобщей готовности возможно выполнение разработанных правительством мер по ликвидации последствий землетрясения. Напомним: в течение двух лет предстоит восстановить и построить заново жилые дома общей площадью 4 млн кв. м в комплексе с объектами социально-культурного, бытового и торгового назначения, общеобразовательные школы на 63 тыс. ученических мест, дошкольные учреждения более чем на 15 тыс. мест, больницы на 4 820 коек, амбулаторно-поликлинические учреждения на 8 900 посещений в смену. По предварительным данным, на 136 предприятиях Армении утрачены производственные мощности по выпуску продукции почти на 1 250 млн рублей в год. Большие вложения сил и средств необходимы и в сельской местности, где полному или частичному разрушению подверглось свыше 150 сел, 35 тыс. индивидуальных домов, 260 школ и детских дошкольных учреждений, а также сотни производственных и сельскохозяйственных объектов.

Десятки миллионов советских людей выражают сегодня решимость сделать все, чтобы как можно скорее преодолеть последствия армянской трагедии. Возвращаясь к словам М. С. Горбачева, хотелось бы отметить, что, приступая к выполнению правительственной программы, надо опять-таки держать в памяти уроки Чернобыля. Особенно важно не допустить попыток под "маркой" помощи армянам свернуть выполнение жилищной программы в каком-нибудь другом регионе страны. Жилья ведь не хватает всюду, и у кого-то может появиться соблазн заявить нуждающимся: "Погодите, товарищи, разве вы не слышали об Армении?.." Горький опыт прошлого учит: всегда найдутся демагоги, способные воспользоваться чужой бедой для прикрытия собственной организаторской бездарности. Один из армянских уроков заключается в том, что надо быть бдительными.

И еще на один аспект поездки М. С. Горбачева нельзя не указать. Напомним его слова из телевизионного интервью: "Я вчера был потрясен одним фактом. Мы возвращались ночью из Ленинакана в Центральный Комитет Компартии Армении с тем, чтобы заняться рассмотрением практических вопросов, как наращивать масштаб работ по спасению, по обустройству людей, по тому, чтобы решать практические вопросы и снимать эту беду. На улице стояли жители Армении. Я остановился в одном месте. Была хорошая беседа. Люди все встре-

вожены, очень. С болью это воспринимали. Я поделился с ними, что просто я потрясен тем, что увидел, какая беда постигла людей. И вдруг тут же в Ереване задают мне вопрос: а какими будут отношения, как мы будем налаживать диалог с неформальными организациями? И опять же тема Карабаха. Я, знаете, может быть, даже резко, но сказал все, что я думаю. И прежде всего сказал — остановитесь. Смотрите, какая беда и для азербайджанцев, и для армян стряслась, куда их подталкивают, куда дошли, кровь льется. Сейчас такая беда, вся страна, весь мир переживают из-за того, что произошло в Армении, что постигло армянский народ. А здесь человек в столице Армении спрашивает меня, как будем налаживать диалог с неформальными организациями. Это до чего же надо быть, ну, лишенным морали человеком".

Авторы просят извинить их за столь обильное цитирование. В данном случае без него не обойтись. Мы ведь не "прячемся" за цитатами, мы просто хотим точно воспроизвести оценку ситуации, данную по горячим следам М. С. Горбачевым. Но прежде чем приступить к анализу связанных с этим событий, считаем необходимым привести еще одну выдержку из его выступления: "...сейчас тема Карабаха используется людьми нечистоплотными, политическими демагогами, авантюристами, больше того, коррумпированной публикой. Они же видят: идет перестройка, доходит в Армению и в Азербайджан, меняется руководство, оно занимает позиции перестроечные. А это значит — подходит к тому, чтобы нанести удар по всей этой публике. По всей этой паразитирующей публике, которая в руках держит народ, запугивает. Создали тут чернорубашечников, белорубашечников, бородатых — и в Азербайджане, и в Армении. Давят на депутатов, давят на правительство.

А подбрасывают лозунги Карабаха. Со стороны Азербайджана лозунги — умрем, но не отдадим Карабах, отсюда — умрем, но заберем Карабах. Им Карабах давно и не нужен, и никогда он их не тревожил. Они ведут борьбу за власть, им нужно сохранить власть. Всех цеховиков, всех ворюг, которые на шее у рабочего класса, у крестьянства и у трудящейся интеллигенции сидят. Вот о чем идет речь".

После столь откровенных слов руководителя партии и государства постараемся и мы откровенно высказать свое отношение к этой наболевшей проблеме. Она, правда, не связана впрямую с темой настоящей книги, но так уж вышло — одно как бы "наложилось" на другое, перемешалось, и трудно разобрать, где причины, а где следствия.

ОТВЕТСТВЕННЫ ЗА НЕСПАСЕНИЕ

Меньше всего нам хотелось писать на эту тему. Но понимаем — надо.

Приехав в Армению за две недели до землетрясения, мы, авторы этих строк, пытались как могли разобраться в ситуации, сложившейся в республике, во взаимоотношениях соседних народов — армян и азербайджанцев. Но 7 декабря время как бы поделилось на "до" и "после". До землетрясения еще можно было выяснять отношения, налаживать контакты и вести диалог, будучи готовыми к тому, что с обеих сторон будут сыпаться различные обвинения в адрес "другой стороны". После, как нам казалось, все споры и раздоры должны были кануть в прошлое — настолько страшное горе обрушилось на землю многострадальной Армении.

И действительно, почти трое суток на территории Армянской ССР не было слышно ни одного националистического лозунга, никто не заговаривал о проблемах Нагорного Карабаха или взаимоотношениях с Азербайджанской ССР. Хотелось верить, что время поможет забыть былые обиды, сгладить разногласия, восстановить добрососедские отношения.

Этого, к сожалению, не получилось. Уже 10 декабря в Ереване у здания Союза писателей Армении собралось несколько сот человек, и снова зазвучали проклятия в адрес соседей, снова был поднят лозунг присоединения Нагорного Карабаха к Армении. Почему даже трех дней не выдержали организаторы митинга, почему в день всенародного траура они снова попытались повести армян по старой, проторенной дорожке?

Мы много спорили между собой, двое журналистов, работающих в одной газете, но так и не смогли до конца прийти к единому мнению. Однако точки соприкосновения нашлись.

Прежде всего что такое проблема Нагорного Карабаха, действительно ли она имеет "чисто межнациональный характер"? На наш взгляд — нет. В ее основе лежали и лежат проблемы территориально-экономические. Нам приходилось сталкиваться с ними в разных концах страны. Что же это за проблемы? Вот одно из мнений.

— Составляется план социально-экономического развития области на очередную пятилетку, — жаловался одному из авторов этих строк заместитель председателя облисполкома в самом центре России. — Мы подсчитываем наличные материальные и людские ресурсы и стараемся распределить их наилучшим образом. Учитываем, где плохо с жильем, детскими учреждениями, другими объектами социально-культурно-бытового назначения. Хотим как-то "подтянуть" отстающие рай-

оны до уровня передовых, планируем начать или расширить производство каких-то особенно дефицитных у нас товаров... А потом из Москвы, из Госплана РСФСР, получаем указание выделить значительные средства на сооружение какого-то промышленного предприятия, совершенно ненужного области.

Возможно, это предприятие крайне необходимо стране. Не исключаю, что сами мы страдаем недальновидностью и не можем в полной мере оценить его важность. Но работы такого масштаба потребуют отвлечения сил, строительных мощностей от тех объектов, которые нужны области уже сегодня, в результате еще больше ухудшится и без того сложная социально-экономическая ситуация. Это же ведь надо как-то учитывать, предлагать компенсацию, совместно продумывать, что и как делать. Но нас не спрашивают, с нами даже не советуются — просто приказывают. И все наши расчеты и прикидки по социальному развитию территории можно выбрасывать в корзину...

Картина, надо сказать, обычная практически для всех экономических районов нашей страны. И мы специально выбрали одну из областей России, не называя ее, — таких немало. Суть жалобы: представитель территории недоволен самоуправством центра, не желающего вникать в нужды местного населения. Но если в данном случае переходить на язык межнациональных отношений, то недовольство, допустим, Владимирской области — это недовольство территории, населенной в основном русскими, тем, как в ее жизнь вмешивается русское же начальство.

Та же социально-экономическая ситуация сложилась, по нашему мнению, и в Нагорном Карабахе. Но здесь положение осложнилось из-за того, что "территория" населена преимущественно армянами, а "начальство", распоряжающееся из Баку, — это азербайджанцы. Более того, прежнее руководство области, назначавшееся тоже из Баку (о выборах в то время говорить не приходится), знать ничего не знало, да и не хотело знать, о нуждах и чаяниях местных жителей. Это усиливало недовольство в регионе. Но самое главное, при таком отношении центра к территории обратные претензии жителей Нагорного Карабаха к руководству республики приобретали характер национальных претензий и экономические проблемы усугублялись политическими.

Прежнее руководство Азербайджана не желало этого замечать. Неконструктивную позицию занимали и тогдашние руководители Армянской ССР. Много и красиво говоря о притеснениях братьев-армян в НКАО, они даже не пытались как-то договориться с руководством Азербайджанской ССР. На простой народ никто не обращал внимания. Зато коррумпированные элементы обеих республик могли чувствовать себя в полной безопасности.

Как правильно отметил в своем выступлении на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва представитель ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в Нагорно-Карабахской автономной области А. И. Вольский, "истоки нынешнего кризиса кроются прежде всего в грубейших извращениях национальной политики, которая осуществлялась прежним руководством республик. Сегодня друг против друга по сути дела стоят поколения, многие представители которых слова о дружбе двух народов начали воспринимать чуть ли не как лицемерие. И в этом корень всего драматизма обстановки".

Читая эти строки из выступления А. И. Вольского, мы понимали, что в них — пусть горькая, но правда. Именно в такой обстановке стала возможной трагедия Сумгаита. Бездействие местных партийных, советских, а главное — правоохранительных органов лишь усугубило положение. После этой трагедии по Армении поползли слухи, что в Сумгаите погибло значительно больше армян, чем было указано в официальных сообщениях. Тем временем Азербайджан наводняли другие слухи: мол, и в Нагорном Карабахе, и в Армении имели место массовые избиения и даже убийства азербайджанцев, а Сумгаит лишь "ответ" на бесчинства "другой стороны".

Кому были нужны, кому были выгодны эти заведомо ложные слухи? Думаем, прав А. И. Вольский, заявивший на той же сессии: "Последние события особенно наглядно показали, что в руках разного рода кланов в Азербайджане и Армении по-прежнему остаются многие рычаги власти. Воспитанные и расставленные ими кадры до сих пор продолжают влиять на общую атмосферу, закулисно оказывать воздействие на принятие многих решений. И вывод напрашивается такой: Нагорный Карабах для них — лишь удобный повод, образно говоря, разменная монета".

Соглашаясь с таким суждением, мы все же не могли не замечать, о чем в те дни, предшествующие землетрясению, повсеместно говорилось в Армении: если за лидерами, допустим, комитета "Карабах" стоят некие коррумпированные кланы, то зачем мы содержим громадный судебно-следственный аппарат, КГБ, наконец, если кланы до сих пор остаются в тени?

Как нам рассказывали наши коллеги, находившиеся в то время в Баку, тот же вопрос задавали и азербайджанцы: почему до сих пор не выявлены все те, кто стоят за кулисами межнационального конфликта, почему не разоблачаются казнокрады и мздоимцы, которым выгодна нестабильная обстановка в регионе?

Мы в Ереване предпринимали настойчивые попытки связаться с лидерами комитета "Карабах", чтобы задать им эти же вопросы, выслушать их аргументы, если таковые найдут-

ся. Конечно, критерий истины — дела, а не слова, но все же хотелось докопаться до сути, чтобы избежать голословных обвинений в необъективности, в нежелании достаточно глубоко вникнуть в чью-то позицию. Дня за три до землетрясения нам удалось с помощью уважаемого посредника вступить в переговоры с одним из представителей комитета "Карабах", человеком в Армении довольно известным. И он уже было согласился на встречу, которая никого бы ни к чему не обязывала — ни его отрекаться от "Карабаха", ни нас — восславлять этот комитет. Просто такой разговор помог бы прояснить позиции.

За три часа до назначенного времени нам позвонили:

— Нет, мои друзья против контактов с центральной прессой...

— Что ж, воля, как говорится, вольная. Но уж теперь не обвиняйте прессу, что она неверно истолкует ваши действия,— ответили мы.

...А через три дня после страшного землетрясения один из организаторов митинга под прежними демагогическими лозунгами, кричал солдатам: "Мы заставим вас стрелять в народ!.."

Но нас, собственно говоря, интересовало другое. Нас волновал вопрос: почему в столь критической ситуации, когда все силы следовало бросить на спасение еще не спасенных, когда нужно было вытаскивать живых и оплакивать мертвых, лидерам "Карабаха" удалось снова привлечь на свою сторону те сотни, а то и тысячи людей?

Сложно в этом разобраться, но думаем, что одной из причин были промахи, а порой и просто неуклюжесть нашей пропаганды, так, к сожалению, и не сумевшей перестроиться на деле, а не на словах в освещении сложных проблем Нагорного Карабаха.

Вспоминается, как ждали мы в тот вечер, 7 декабря, реакции Азербайджана на беду, постигшую Армению. В автомашине, полным ходом мчавшейся в Ленинакан, говорили между собой: сейчас бы нужно соболезнование. И оно прозвучало буквально через пять минут: слушали его по автомобильному радиоприемнику — соболезнование ЦК Компартии, Верховного Совета и Совета Министров Азербайджана армянскому народу, попавшему в беду.

Этот шаг навстречу был с пониманием воспринят всем армянским народом, люди ждали такого шага, ждали реакции соседней республики, и она оказалась адекватной ожиданиям.

Затем по телевидению, радио, в центральной прессе были переданы первые сообщения о том, что Азербайджан готов оказать помощь Армении. И такие сообщения воспринимались как должное. Но в Армению уже поступала и другая информация: что в первый же день после землетрясения в Азер-

байджане, в том числе и в Баку, нашлись подонки, искренне радовавшиеся бедствию, постигшему Армению. Знали о "поздравительных" телеграммах и телефонных звонках, поступавших из Азербайджана, о надписях, с которыми прибывали в Армению поезда, проходившие через азербайджанскую территорию.

Официальной информации о такого рода фактах не было. Более того, в передачах радио, телевидения, в газетах, не во всех, но во многих, внимание было сосредоточено на проявлениях дружбы, братских чувств двух соседних народов — армян и азербайджанцев.

Думаем, что подавляющее большинство азербайджанцев чисто по-человечески искренне сочувствовали армянам, попавшим в беду. Кто-то шел сдавать кровь для пострадавших, кто-то просился на раскопки развалин, кто-то предлагал деньги и вещи для тех, кто потерял все. Но ведь были и другие...

О благих делах и побуждениях азербайджанского народа говорили все, о негативной реакции мерзавцев — никто. Конечно, велико было общее желание как можно скорее помирить два народа. Но многим работникам идеологической сферы, в том числе и журналистам, по давней застарелой привычке вместо реальной картины захотелось немедленно увидеть сусальный лубок на тему вечной дружбы.

И такой пережим привел к обратному результату, чем не замедлил воспользоваться тот же комитет "Карабах", бросивший подстрекательский лозунг: "Не примем помощь азербайджанцев!" Именно под этим спекулятивным лозунгом его лидеры вновь сумели собрать аудиторию, готовую их слушать.

Но если бы все ограничилось только лозунгами и митингами! Увы, были и дела. Нам рассказывали, как уже на третий день после свершившейся трагедии на границах Армянской и Азербайджанской республик появились пикеты, заворачивавшие назад колонны азербайджанских машин с медикаментами и техникой, продуктами питания. Допускаем, что добровольные пикетчики в те дни могли не знать истинных масштабов разрушений в Ленинакане, Спитаке, Кировакане. Могли не знать, что в этих городах и почти в шести десятках разрушенных землетрясением армянских сел каждый дополнительный автокран нес спасение десяткам погребенных под обломками и что, отвергая азербайджанскую технику, "патриоты" обрекали на гибель своих же соотечественников, ожидающих помощи, истекающих кровью. Вспомним еще раз страшную формулу академика Чазова: час промедления — это дополнительные двадцать смертей на тысячу замурованных.

Об этом должны, обязаны были подумать те, кто выводил людей в пикеты, кто твердил им, будто азербайджанцы шлют в Армению зараженную кровь и отравленные продукты.

Должны были принять меры, навести порядок, разъяснить людям ситуацию местные партийные и советские органы. Обязана была четко и оперативно действовать милиция. К сожалению, далеко не везде такие меры были приняты сразу. А ведь своевременное разоблачение псевдопатриотов еще могло образумить тех, кто снова пошел за комитетом "Карабах"...

Рассказывая о событиях в Армении в те страшные дни, мы не можем умолчать еще об одном отвратительном явлении, которого по всем человеческим законам не должно было быть, но оно было. О мародерстве!

В охваченных горем Спитаке, Ленинакане, других городах мы на второй день с удивлением смотрели на солдат внутренних войск МВД СССР, занимавших посты возле полуразрушенных зданий. Зачем? Оказалось – для охраны банков и сберкасс, ювелирных магазинов, универмагов, даже развалин жилых домов.

– Увы, – объяснил нам начальник отдела Политуправления внутренних войск полковник А. Белаш, – уже есть случаи мародерства.

В это трудно, невозможно было поверить. Но... Задержан в Кировакане, во Дворце спорта, превращенном в госпиталь, некто А. Бабаян, житель города Абовяна: с умерших от ран он снимал золотые украшения. Привлечен к уголовной ответственности рабочий Спитакского лифтостроительного завода Г. Аджамян, который пытался украсть деньги из разрушенной спитакской сберкассы. Задержаны лица, тащившие килограммы масла и конфет, вещи из уцелевших квартир, попадались и автоворы...

Как они могли?..

Конечно, таких были единицы. Люди, работавшие на раскопках развалин, приносили в штабы, в милицию деньги и ценности на десятки, сотни тысяч рублей. Вся Армения узнала в те дни имя заключенного Л. Мартиросяна. Вместе с другими осужденными за различные уголовные преступления он получил 10-дневный отпуск для поисков сына, пропавшего в Ленинакане. Во время разборки завалов Мартиросян нашел кассу предприятия, в которой оказалось 38 тыс. рублей. Все деньги он передал властям...

Горе показало, кто есть кто.

Невольно приходят на ум аналогии: есть мародерство, так сказать, вещественное, есть и духовное – когда в дни великого испытания иные неформальные "лидеры" сделали все, чтобы усилить напряженность в регионе.

Вдумаемся: позади без малого год страшного напряжения, от которого безмерно устали все – и армяне, и азербайджанцы. Всякое было – и кровавая драма Сумгаита, и бандитская стрельба в безоружных людей на дорогах Армении, и почти

200 тыс. беженцев с обеих сторон, и изнурительные забастовки, и взаимные угрозы и оскорбления, и лихорадка нескончаемых митингов...

И вот, наконец, происходит такое, перед чем все прошлое меркнет, от чего не только страна — весь мир обращается в скорбь, а Советское правительство чуть ли не в полном составе едет из Москвы в Ереван. Казалось, не может быть, чтобы у кого-то еще повернулся язык для враждебного выкрика, поднялась рука для недоброго дела. Однако это случилось. И на улицах Еревана, еще осененных флагами национального траура, начались беспорядки, полетели камни — теперь уже не в азербайджанцев — их там не было, — а в заградительную цепь солдат...

Сколько же надо цинизма, чтобы, поняв, что теряется влияние на народ, попытаться вернуть это влияние, сея в душах людей ненависть к кому угодно, к чему угодно! И можно ли назвать подобные действия комитетчиков "Карабаха" иначе, как духовным, политическим мародерством?

Стихийное бедствие по-своему обнажило сокровенные интересы отдельных групп, заставило их "проявиться", что в свою очередь позволяет общественному мнению более точно оценить политическую ситуацию. Характерно, что в армянских газетах уже на четвертый-пятый день после землетрясения появилось то, чего раньше практически не было: резкие критические высказывания читателей в адрес комитета "Карабах". Рушится, таким образом, миф о монолитном единстве всех армян, поддерживающих его позицию. Никакого парадокса здесь нет: сплотившись в трудную минуту, люди стали больше дорожить своей реальной, а не выдуманной сплоченностью. И — смелее давать отпор посягающим на нее.

Правда, лидеры "Карабаха" и потом не упускали ни одной возможности сыграть на слабой информированности людей, на ошибках нашей пропаганды, на плохой работе и некомпетентности иных ответственных лиц, руководивших спасательными работами и распределением поступавшей в республику помощи. Вот что было сказано по этому поводу в республиканской газете "Коммунист": "Лидеры комитета "Карабах", выискивая неизбежные в столь экстремальной обстановке промахи и неувязки, стремятся продемонстрировать трудящимся республики, что они, и только они, играют главную роль в ликвидации последствий землетрясения... Недостойная шумиха поднята комитетчиками в защиту детей-сирот, якобы вывозимых из региона для воспитания в неармянских семьях.

Играя на самых гуманных чувствах людей, комитетчики пытаются внушить населению провокационную мысль, что вывоз детей якобы является частью некой программы по переселению армян... И делают все, чтобы дестабилизировать об-

становку, хотя прекрасно понимают, что лишь в условиях спокойствия и согласия можно на практике, а не на словах решать сложнейшие проблемы, вставшие перед нашим народом".

Очень верно, на наш взгляд, сказано. Собственно говоря, стихия и здесь показала, кто чего стоит.

КОГДА РУШАТСЯ ИЛЛЮЗИИ

Ощущение надежности, фундаментальности чего-либо неспроста ассоциируется у нас с прочностью фундамента здания. А есть ли что-нибудь желаннее, чем крыша над головой? Чем стены, которые дома помогают? Чем, наконец, дом, который мы по привычке, идущей из глубины веков, называем нашей крепостью?

Проведите ладонью по цоколю многоэтажного дома — не правда ли, символ прочности, незыблемости? Плохо, когда рушатся такие символы. Тогда чувствуешь себя беззащитным, словно улитка, извлеченная из раковины...

После Армении мы все еще никак не можем отделаться от привычки мысленно проверять на прочность попадающиеся на глаза дома. Идешь по Москве, справа и слева — красавцы здания, будто генералы в строю, но нет-нет да и мелькнет мысль: вдруг ты вместо них увидишь руины? И еще мучительно прикидываешь, как выглядело бы то или другое здание "в ленинаканском варианте", от какого места на мостовой начиналось бы его "подножие" и достаточно ли пологими были бы "склоны", чтобы на них костры разводить...

Бред, разумеется. В Москве такое вряд ли возможно, и слава богу! Но как быть живущим там, в зонах повышенной сейсмичности? Неужели до сих пор нет надежнее гарантии, чем постучать три раза по деревяшке? И вообще, неужели человек, этот стартующий в космос всемогущий хозяин планеты, не в состоянии обезопасить себя от капризов собственного "шарика", чья миролюбивая хрупкость воспета уже в стольких песнях? Не пещерный же век на дворе, когда нашим далеким предкам приходилось вздрагивать от каждого шороха...

Знаем: в зоне разрушения работают квалифицированные комиссии. Они разберутся, где действительно стихия повинна, а где — чье-то головотяпство. Не будем подливать масло в огонь дилетантскими рассуждениями о качестве тех или иных проектов или о том, какая строительная технология больше подходит для Закавказья. Специалисты рассудят. Беда лишь в том, что прочность наших крыш и фундаментов — не единственная иллюзия, похороненная под обломками армянских городов и поселков.

Мы утратили веру в порядок. Точнее, в нашу способ-

ность водворять его в нужный момент. О том, что это — большой дефицит, было известно, конечно, и до начала осуществления политики гласности, а уж когда в прессу хлынула информация о крушениях и катастрофах... Правда, где-то в глубине души оставалась утешительная мысль: конечно, мол, в застойные годы мы маленько подразболтались, но закваска-то у нас надежная, и уж коли придется...

Недаром же многие газеты восхищались слаженными действиями спасательных служб в Арзамасе и в Новороссийске. Дескать, случись что-нибудь всерьез, помасштабнее — наши люди быстро докажут свою способность противостоять...

Случилось, и спасибо гласности, которая дала нам возможность пристально, в десятки миллионов пар глаз, посмотреть на самих себя.

В печати уже достаточно сказано о всякого рода неурядицах, затруднявших оказание помощи районам, пострадавшим от землетрясения. О воздушных лайнерах, доставлявших в Армению (в том числе из-за рубежа) самое необходимое и сутками томившихся под разгрузкой. О прибывших со всех концов страны добровольцах, вынужденных работать вполсилы ввиду роковой нехватки грузоподъемной техники. Об иностранных асах-спасателях, вооруженных тончайшей аппаратурой и метавшихся в поисках переводчика... Следя по телевизору за работой комиссии Политбюро ЦК КПСС, вся страна задавалась вопросом: неужели без личного присутствия Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова и руководителей союзных министерств и ведомств невозможно решение даже элементарных проблем, входящих в компетенцию рядового прораба?..

Нам довелось присутствовать на одном из оперативных совещаний этой комиссии в понедельник 12 декабря. Свидетельствуем: в зале господствовал дух мучительного преодоления как препятствий, воздвигнутых суровой стихией, так и завалов, образовавшихся из-за чьей-то косности, лени, организационного бессилия. Приведем лишь несколько примеров — в них тоже заключена правда той трагической недели. И да простится нам некоторая фрагментарность изложения: мы ведь не стенограмму воспроизводим, а пытаемся осмыслить как сегодняшние наши беды, так и возможные пути их преодоления.

Вот ситуация с подъемной техникой. В предыдущих главах рассказано, каково было в первые два-три дня в условиях острого ее дефицита. Но даже когда "за спиной" оставалось уже шестеро суток и армянская трагедия находилась в фокусе не то что всесоюзного — всемирного внимания, а газеты наперебой печатали длиннющие списки грузов, присылаемых со всех концов страны и из-за рубежа в Ленинакан, Спитак, Кировакан, Степанаван, ее все еще не хватало.

Нет, сказать "по-прежнему не хватало" было бы, конечно, неверно. Тем же кранам счет велся уже не на единицы, как в первую ночь, а на сотни. В Ленинакане, например, их набралось, "считайте, штук триста" (более точную цифру почему-то никто не в силах был назвать). Достаточно? Нет, надо бы, говорят, еще сотни полторы тяжелых... Но если в этом городе события развивались в благоприятную сторону, т. е. кранов становилось все больше и больше, то в Спитаке, представьте себе, наоборот! Завезенные 200 штук работали на износ, круглосуточно, а замены им не поступало, так что их железная армия "таяла", можно сказать, на глазах.

Но кто-то ведь нес персональную ответственность за обеспечение подъемной техникой города, принявшего на себя самый страшный удар, — Спитака?! Да, конечно. "Технология" оперативного совещания позволила тут же, в зале, обнаружить это ответственное лицо и поднять его с кресла, — полномочный представитель Минмонтажспецстроя СССР. Именно в его распоряжение поступила недавно целая колонна техники. И как же оно (лицо) распорядилось ею? Отправило в Спитак? Нет. Отправило в другом направлении. Видимо, сочло, что где-то эти краны еще нужнее? Нет. Оно ничего не считало. Оно просто позвонило в Москву, своему непосредственному (министерскому) начальству, а уж то, многомудрое, определило дальнейший маршрут колонны, исходя из того, что сверху все, конечно, виднее...

Фамилий не называем — разве в них дело! Разве изменилось бы что-нибудь, если бы не это, а другое должностное лицо было "брошено" в прорыв, получив приказ дожидаться указаний из министерства? Счастье, что тут же, в зале, за столом президиума сидели члены комиссии Политбюро ЦК КПСС во главе с Председателем Совета Министров СССР. Только это и позволяло оперативно распутывать узелки наподобие вышеописанного. Иначе страшно представить, что было бы.

Другая проблема — штабы, руководящие спасательными работами в пострадавших от землетрясения городах и районах, нуждаются в микроавтобусах. Вопрос этот возникает на оперативном совещании в ЦК Компартии Армении. Н. И. Рыжков дает распоряжение находящимся тут же представителям Минавтотранса Армянской ССР отпустить необходимое количество микроавтобусов. И вопрос, считайте, решен. А представьте, что было бы, если бы соответствующая информация в форме сначала письма-запроса, потом письма-распоряжения с печатями путешествовала бы "обычным порядком", допустим, из Спитака в Москву (через Ереван) и обратно...

Вот в чем сокровенный смысл присутствия на месте событий руководителей высшего ранга. Конечно, и без них все знают, что, когда холодно, люди должны чем-то обогреваться,

но только личное указание председателя Госснаба СССР позволяет без дополнительных согласований решить вопрос о поставке в зону бедствия портативных печурок. И только лично министр обороны СССР может оперативно уладить проблему разворачивания банно-прачечных пунктов в Спитаке и Ленинакане.

Что техника — палаток не везде хватало на шестой-то день после землетрясения! Отвратительно работала связь, хоть и объяснял представитель соответствующего республиканского ведомства, как самоотверженно оно трудится в экстремальных условиях.

"Традиционная" слабость коммунальных служб заявила о себе резким обострением санитарных проблем, так что и организацией туалетов-сарайчиков занимались прибывшие из Москвы члены правительства. Где-то вдруг выяснилось — нельзя хоронить погибших, поскольку работники местной прокуратуры не считают землетрясение достаточным поводом, чтобы нарушать установленную процедуру опознания трупов. Для ускорения же ее мало угрозы эпидемии, а требуется чья-то авторитетная команда. Или — один из республиканских руководителей, ответственный за сохранность ювелирных и прочих ценностей в пострадавших районах, так объяснил, почему не велась работа по вывозу этих ценностей:

— Нам только вчера сказали, что их надо вывозить...

— А про землетрясение вам когда сказали? Тоже только вчера? — последовала реплика Н. И. Рыжкова.

Не по себе становится от горькой этой иронии. Делать, однако, нечего. Мы имеем тот аппарат, который формировался в годы застоя, когда не инициатива приветствовалась, а умение безропотно подчиняться, в лучшем случае — согласовывать вопросы "в инстанциях". Вот и согласовывают... В повседневной жизни мы к этому притерпелись, так же как к всевозможным нехваткам, очередям и прочей рутине. А грянула большая беда — кровью и слезами обернулись привычные "издержки". Землетрясение подвергло испытанию не только качество наших строительных материалов. Проверку на прочность проходила и система управления, и люди, задействованные в этой системе. И мы теперь знаем, кто чего стоит, хоть и оплачено это знание непомерно дорогой ценой.

Среди выступавших на оперативном совещании 12 декабря был один наш добрый знакомый. Тот самый, о котором бегло упомянуто в начальной главе, — первый секретарь Спитакского райкома партии Норайр Григорьевич Мурадян, всей Армении больше известный просто как Норик Мурадян. Мы с трудом узнали на трибуне его фигуру, будто придавленную невидимым грузом, его почерневшее от горя лицо. Даже голос изменился — стал глуше. В то же время чувствовалось, что внутренне этот человек не сломлен, что он до конца вынесет

все выпавшее на его долю. Доклад Мурадяна о ситуации в Спитакском районе прозвучал в мертвой тишине. За этим стояло не только естественное внимание зала к содержанию выступления, но и понимание состояния докладчика: все, включая сидевших за столом президиума руководителей страны, знали о понесенных им личных утратах.

Норик был избран первым секретарем райкома как раз за месяц до того заседания — 12 ноября. Но как известно, решение коммунистов района подлежит утверждению более высокой инстанции, в данном случае — бюро Центрального Комитета Компартии Армении. И вот утром в среду 7 декабря 1988 года, пожав руки друзьям и выслушав их напутствия, Норайр Григорьевич отбыл из Спитака в Ереван, чтобы вернуться уже полноправным и полномочным руководителем районной парторганизации. Он таковым и вернулся — после полудня. "Принял" обращенный в руины район и разрушенный город...

Позже пресса, в том числе и центральная, расскажет о Мурадяне как руководителе районного штаба спасательных и восстановительных работ. О мужестве и самоотверженности этого человека ходили легенды. Нам же хочется сказать несколько слов о Норике, каким мы знали его до землетрясения.

...Он встретил нас в своем кабинете на втором этаже здания райкома, которое через несколько дней превратится в груду развалин. Подтянутый, корректный, чуточку официальный. Час был довольно поздний. Узнав, что перед ним корреспонденты "Известий", Мурадян позвонил жене, извинился — придется, мол, задержаться — и, что называется, отдал себя в распоряжение гостей.

Мы уже упоминали о не совсем обычной в подобных обстоятельствах откровенности секретаря райкома. Обстановка-то была напряженной и в этом, и в соседних районах, где имелось довольно много смешанных по национальному составу сел. Усиливался поток мигрантов между республиками, происходили и стычки, кое-где на дорогах даже звучали выстрелы... Все это мало благоприятствовало раскованным беседам в райкомовских кабинетах. Тем более с представителями центральной прессы.

В отличие от многих своих коллег Мурадян не скрывал от нас ни объективных сложностей, порожденных серьезными просчетами национальной политики прошлых лет, ни собственных промахов как руководителя района. Ему нечего было скрывать, потому что именно гласность составляла сердцевину всей его работы с людьми. Если где-то вспыхивал митинг, он мчался туда во главе "команды" райкомовцев и отстаивал правоту партийной линии в прямой дискуссии с ее противниками. Не потому ли в Спитакском районе обошлось без

жертв и грубых эксцессов? Если на каком-то предприятии складывалась "предзабастовочная" ситуация, он и туда спешил, "на пальцах" объяснял людям социальную и конкретно-экономическую пагубность их намерений. Не потому ли в районе обошлось также и без забастовок?

Люди шли за ним и верили ему, потому что в минуты самых горьких испытаний он был вместе с ними — еще задолго до стихийного бедствия. Приходилось и "перехватывать" возбужденную подстрекателями толпу, отправившуюся громить дома азербайджанцев. Надо ли объяснять, что это намного труднее, нежели рассуждать о проблемах интернационального воспитания в тиши служебного кабинета, да еще под охраной милицейского наряда? (Мурадян, кстати, не признавал никакой охраны — в здание Спитакского райкома мы проникли, не встретив даже вахтера.) Да что говорить! Напряжение тех тревожных дней выдерживали не все, был даже случай прямого дезертирства одного из руководителей районного звена.

— Думаю, мне все-таки легче, чем многим, — сказал нам тогда Мурадян. — Меня ведь хорошо знают в районе...

Это верно: его знали отлично, потому и выдвинули в секретари. До ноября 1988 года Норайр Григорьевич занимал пост руководителя головного в округе промышленного предприятия — был генеральным директором Спитакского швейного объединения. Авторитет Мурадяна как раз из тех времен и идет. И дело тут даже не в экономическом процветании швейников. А вот забота о людях... Много ли, к примеру, предприятий в стране могут похвастаться стопроцентным решением жилищной проблемы? Спитакское объединение может.

Вернее, было таковым до землетрясения...

Вот что за человек стоял перед участниками оперативного совещания 12 декабря. В перерыве нам удалось "завладеть" им минут на пять:

— Есть ли что-нибудь важное, о чем вы не сказали в докладе?

— Нет, обо всем важном сказал. Разве что такая трудность: все время с военными патрулями "воюю". Ребята же часто меняются, в лицо меня не знают. Заставляют вылезать из машины — пешком иди... Ну да, в Спитаке, в районе.

— Так что же вы не сказали об этом с трибуны?!

— Неудобно как-то...

Эх, Норик, Норик... Порядок на дорогах, ясно, необходим, но неужели нельзя хотя бы каждого сержанта снабдить фотокарточкой начальника районного штаба? И до каких пор запасы душевного благородства, душевной деликатности нашей будут расходоваться на преодоление чьей-то чиновной черствости?..

Норик Мурадян еще одно открытие перестройки. В его лице именно ей выставило "проходной балл" самое суровое из всех испытаний — стихийное бедствие.

Так, значит, чем-то может быть полезна и утрата некоторых наших иллюзий? В их скорлупе, конечно, уютнее, но добиться кардинальных перемен в жизни общества можно, лишь избавившись от скорлупы.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

В воскресенье, заглянув на минутку в гостиницу, чтобы привести себя в порядок, мы узнали: тремя этажами выше поселился Арманд Хаммер. А потом мы встретились в лифте...

Давний друг и постоянный деловой партнер нашей страны конечно же не мог остаться равнодушным к беде, постигшей армянский народ. Господин Хаммер привез с собой чек на миллион долларов и, что еще важнее, полный "Боинг" медицинской аппаратуры и медикаментов. Это был не первый и далеко не последний иностранный самолет, приземлившийся в те дни в аэропорту "Звартноц".

На помощь братскому народу пришли все советские люди — посылали технику, медикаменты. Переводили на специальный счет, открытый Жилсоцбанком СССР, деньги для пострадавших, на восстановление разрушенных городов и сел. Только за первый месяц после землетрясения на счет № 700412 поступил 1 миллиард 17 миллионов рублей. Здесь были деньги, перечисленные школьниками и пенсионерами, рабочими и служащими, коллективами предприятий и общественных организаций. Самые разные суммы — начиная от трех рублей и кончая миллионами — аккумулировались на этом счету милосердия.

Все это воспринималось в Армении с огромной благодарностью и как должное: разве в единой семье может быть иначе? Да и опыт того же Ташкента и особенно Чернобыля подсказывал: республику в беде не оставят.

Горе народа Армении с огромным пониманием и сочувствием было воспринято во всем мире. В первые же дни после катастрофы в республику начала поступать помощь из-за рубежа. Руку дружбы протянули страны социалистического содружества. В те дни советские средства массовой информации ежедневно обнародовали десятки сообщений из Праги и Варшавы, Софии и Будапешта, Ханоя и Белграда, Берлина и Гаваны...

"Члены Союза социалистической польской молодежи выступили с предложением направить строительные бригады

и врачей в район землетрясения... Общество польского Красного Креста решило направить жертвам стихийного бедствия помощь на сумму 10 миллионов злотых. Из Вроцлава уже высланы в Армянскую ССР одеяла и комплекты постельного белья. С самого утра в Варшаве идет прием от доноров-добровольцев крови, которая будет направлена раненым во время землетрясения..."

"В пятницу вечером Фидель Кастро сдал кровь, чтобы сделать личный вклад в помощь народу Армении... Из Гаваны вылетел самолет кубинской авиакомпании с новым грузом плазмы крови и оборудованием для полевого госпиталя. Затем отправится еще один самолет со специально отобранным контингентом кубинских врачей, имеющих большой опыт работы в условиях стихийных бедствий..."

"На специальный счет, открытый в Госбанке Монгольской Народной Республики, треть своей пенсии сегодня перечислили 50 ветеранов труда города Баганура, решили выделить средства Центральный совет монгольских профсоюзов и другие организации. Ближайшими рейсами в адрес пострадавших будет отправлено 300 тысяч банок мясных консервов..."

Мы писали о том, как в Армении была воспринята весть о катастрофе югославского самолета. Но уже через день республика узнала: югославская сторона заявила, что она готова вновь в срочном порядке отправить столь необходимые для Армении аппаратуру для резки бетона и арматуры, детекторы для поисков пострадавших в завалах, продукты питания, палатки, а также все, что требуется для автономной жизни 125 специалистов из города Скопле, прибывших в очаг землетрясения...

Югославы пробыли в Армении до 25 декабря. Потом первая группа спасателей, работавших в Ленинакане, вернулась домой — уже не оставалось никакой надежды на то, что удастся спасти еще кого-нибудь.

— Мы полетели на помощь сразу после аварии нашего самолета под Ереваном, — сказал слесарь-механик М. Карайновский. — Все уже знали о гибели наших парней, каждый мог отказаться, но ни один этого не сделал. Ведь 25 лет назад советские люди были одними из первых, кто пришел нам на помощь. Я сам из Скопле, мне тогда было шесть лет, но ту трагедию запомнил на всю жизнь... Правда, в Армении все оказалось гораздо страшнее, чем мы даже могли себе представить...

А вот что в те дни сообщали зарубежные агентства и собкоры наших центральных газет из других стран.

ФРГ. На экранах западногерманских телевизоров по нескольку раз в день загораются цифры "41–41–41". Это номер специального банковского счета для пожертвований. В Ереван вылетела группа спасателей со специально натрениро-

ванными собаками для поиска людей в завалах. Из Кельна прямым рейсом в столицу Армении ушел транспортный самолет с палатками и медикаментами, готовится еще один самолет. Грузы отправляет немецкий Красный Крест, а доставку оплачивает правительство ФРГ...

Великобритания. Специальный ангар для приемки грузов, следующих в Армению, выделила администрация лондонского аэропорта Хитроу. Работа ведется круглосуточно, люди понимают: дорог каждый час. Идут переводы в фунтах стерлингов в Московский народный банк в Лондоне. Многие английские фирмы срочно предоставляют денежную помощь, закупают лекарства, медицинское оборудование, готовят посылки с палатками, теплой одеждой, консервированными продуктами. Поступают многочисленные предложения от англичан, которые хотят непосредственно участвовать в оказании помощи пострадавшим от землетрясения. Рабочие, медсестры, строители готовы выехать в Армению...

Брюссель. Десять миллионов экю (около 12 млн долл.) выделила Комиссия европейских сообществ для оказания помощи Армении. А в самые первые дни ЕЭС отправило в Ереван 10 самолетов с медикаментами, медицинской аппаратурой и теплыми вещами. В Армению вылетели врачи и спасатели из Бельгии, Нидерландов и других стран.

Помощь пострадавшим шла по официальным и неофициальным каналам. Деньги, медикаменты, оборудование, продовольствие выделяли правительства и частные компании, общественные организации и отдельные граждане. По самым последним данным, всевозможную помощь пострадавшим от землетрясения в Армении предоставили более 110 стран мира и 7 различных международных организаций.

Агентство Рейтер сообщило: "Глава римско-католической церкви Иоанн Павел II отправил послание с выражением сочувствия советскому руководителю Михаилу Горбачеву в связи с землетрясением в Армении. В качестве денежной помощи пострадавшим Ватикан передал сто тысяч долларов".

Удивительно? Теперь уже нет. А тогда, встречая в аэропорту "Звартноц" самолет за самолетом из-за рубежа, очень многие ереванцы поражались объемом помощи и еще больше — согласием советской стороны ее принять. Наш коллега взял в те дни интервью у заместителя министра иностранных дел СССР В. М. Никифорова. Процитируем часть этого интервью.

— Сам факт принятия подобного решения — явление весьма примечательное, — сказал Валентин Михайлович. — Это не просто акт, продиктованный чрезвычайными обстоятельствами. В свете политики нового мышления, которую мы провозгласили, для нас это был естественный шаг.

— На каком уровне решался этот вопрос?

— После того как поступило предложение от французов, мы в МИДе сочли целесообразным его принять. На уровне правительства наше решение было оперативно поддержано. Так же быстро мы сообщили французскому правительству о нашем согласии на безотлагательное прибытие их спасателей. И огромное спасибо им за инициативу. Братскую руку помощи среди первых протянули соцстраны. Потом поступило столько предложений, что в МИДе впервые по такому случаю был создан штаб...

— Ваше мнение: сколько потребовалось бы времени, чтобы принять решение об иностранной помощи, скажем, лет пять — десять назад?

— Много. Наверное, дни, а может быть, и неделя. Скорее всего такой вопрос вообще бы не стоял...

Да, потребовались три года перестройки, серьезнейшая ломка старых заскорузлых понятий о взаимоотношениях в мире, чтобы так радикально изменилась ситуация. "Через сердца миллионов проходят сегодня боль и надежда Армении, — сказал, выступая по республиканскому телевидению, первый секретарь ЦК Компартии Армении С. Арутюнян. — Они стали не только активным фактором братства, но и фактором мира, шагом к новому политическому мышлению. Многострадальная армянская земля оказалась эпицентром сотрудничества, человеческого сочувствия всех людей Земли".

Уже потом, 25 декабря, в Армению прилетели сын и внук нового президента США Джорджа Буша — Джон и Джордж-младший. Они тоже привезли большую партию медикаментов, а также рождественские подарки детям, пострадавшим от землетрясения. Нет, не просто благотворительной была эта поездка. Только что избранный, но еще не вступивший в должность президент Соединенных Штатов Америки отправил своих сына и внука, чтобы они воочию могли убедиться, как страшна слепая стихия, как нуждаются в милосердии люди независимо от их национальности, вероисповедания и общественного строя страны, в которой они живут. В своем первом в жизни интервью юный Джордж сказал тогда: "Для меня эта поездка — удивительный опыт. Я разделил трагедию, видел ужасающие сцены разрушений, человеческого горя. Я желаю всем детям Армении здоровья, всем тем, кто сегодня находится в больницах, поскорее поправиться. Очень хочу, чтобы разрушенные города быстрее были восстановлены, а армянский народ вновь стал жить обычной, нормальной жизнью..."

И еще об одном нельзя не сказать — как аккумулировалась и распределялась направлявшаяся в Армению иностранная помощь. Еще 12 декабря, на первой пресс-конференции, на которой члены комиссии Политбюро ЦК КПСС встретились с советскими и иностранными журналистами, прозвучал этот вопрос: как используется валюта, поступающая в фонд

пострадавших из-за рубежа? Председатель комиссии Н. И. Рыжков ответил: "Вся она идет через Внешэкономбанк на Армянское отделение Внешэкономбанка. Распоряжаться ею будет правительство Армении по своему усмотрению. Все до единого цента попадет в Армению".

Это — о деньгах. Проконтролировать их поступление и расходование в принципе было нетрудно. Сложнее оказалось с посылками, которые с первых дней стали прибывать в чревах транспортных самолетов в аэропорт "Звартноц". Никто не думал, что их нужно охранять. Казалось невероятным само предположение о воровстве в столь тяжкие для народа дни. Но... Были и воровство, и нераспорядительность, и ротозейство. Через несколько дней пришлось ввести в аэропорт воинские подразделения для охраны грузов. Но в Ереване уже успели появиться торговцы импортной помощью... Правда, на улицах их почти не видели— первых же появившихся спекулянтов сами ереванцы сдали в милицию. Но и потом то в одном, то в другом месте проносился слушок: "Можно достать..."

Увы, одной из причин возникновения этих слухов были опасения, что одежда и обувь, палатки, другая помощь, присылаемая из-за рубежа, разойдутся "по блатным". Ведь газеты, радио, телевидение ежедневно сообщали о все новых и новых поступлениях, а на местах всего этого по-прежнему не хватало. Крайне медленно разгружались прибывавшие самолеты, грузы попадали на склады и там оседали надолго... Это не прибавляло оптимизма спитакцам и ленинаканцам, жителям разрушенных деревень...

Зарубежная помощь не ограничилась посылкой спасательных отрядов и предметов первой необходимости в первые дни после трагедии. Вскоре наша страна получила новые предложения: американские, английские, французские, итальянские фирмы, компании из других стран были готовы на льготных условиях или вообще безвозмездно построить в Армении больницы и детские учреждения, школы и профилактории...

Да, мы все — люди Земли. Одной, общей планеты.

ЧАЕПИТИЕ ПРИ СВЕЧАХ

Вечером 12 декабря, закончив все свои дела, мы должны были вылететь в Москву. Это оказалось непростым делом: толкучка на воздушном "пороге" Армении была отнюдь не меньше, чем на шоссейном. Оба ереванских аэропорта задыхались от перегрузок, все обычные рейсы давно перепутались и сохраняли свою очередность чисто условно.

"Зеленый свет" зажигался в первую очередь перед самолетами, доставлявшими из зоны бедствия раненых, а со всего мира — медикаменты, технику, специалистов, так или иначе причастных к борьбе с бедой. Просто командированные, вроде нас, часами, а бывало, и сутками дожидались вылета.

Но в конце концов мы благополучно вернулись в редакцию, а нам на смену прибыли из Москвы другие корреспонденты. Так перед авторами настоящей книги возникла проблема: чем ее завершить? Расписывать то, чего мы не видели собственными глазами, было бы некорректно, но и обрывать цепочку событий на более или менее случайной дате тоже не хотелось.

Рассудив, порешили: все события охватить невозможно, но, чтобы не оставлять существенных пробелов, дадим после всего сказанного сугубо информационную подборку, в которую включим и то, чему сами не были свидетелями. А чисто свое, авторское повествование завершим рассказом о двух связанных между собой ночных эпизодах в разрушенном Ленинакане. Ничего не добавляя в событийном, сюжетном плане, они, на наш взгляд, заставляют задуматься о том, о чем и стоит задуматься, завершая разговор.

Итак, вернемся еще раз в Ленинакан, каким он был через полсуток после землетрясения, в "ночь Апокалипсиса". Лежащий в развалинах город, лишь кое-где освещаемый багровым, колеблющимся пламенем костров, отключенный от всех систем жизнеобеспечения. Даже уцелевшие дома глядят на мир черными мертвыми глазницами. Люди покинули их. Расположившись на площадях, вокруг костров нешумными караван-сараями, они боятся собственных домов. И мы их хорошо понимаем. Торопливо переходя от здания к зданию по асфальту, хрустящему битым стеклом и каменной крошкой, мы тоже стараемся держаться подальше от уцелевших стен, местами отчетливо треснувших, уродливо вспученных, с играющими на них зловещими отблесками.

Центральная площадь. Темная, полуобвалившаяся громада здания горисполкома вызывает какой-то суеверный ужас. Опасливо огибаем ее, сторонясь также и застывшей на углу черной "Волги", сплющенной каменными обломками (видно, остановилась на красный свет, да так и не успела тронуться с места). Держась друг за друга, чтобы ненароком не потеряться, сворачиваем на боковую улочку. Так, без особой цели, подчиняясь дремлющему в каждом исследовательскому инстинкту, делаем сотню шагов в густеющую темноту и тишину. Воздух постепенно свежеет, над головой прорисовываются звезды и Млечный Путь. И вдруг в почти неразличимой гряде домов по левую руку видим освещенное окно.

Четкий мандариновый прямоугольник. Не очень яркий и чуть-чуть подрагивающий, потому что горит, конечно, не эле-

ктричество (откуда ему взяться?), а керосиновая лампа или свеча. Обдающий деревенским уютом, покоем — нереальный, как сновидение.

Тут мы, признаться, заспорили: заходить или не заходить? И любопытно, и неловко проявлять — в такой-то момент! — любопытство. У кого-то, может быть, горе, помочь мы бессильны, вопросами только чужую рану разбередим... А с другой стороны, не от себя же — от миллионов читателей будут заданы эти вопросы! От имени тех, кого мы здесь представляем и кому нет никакого дела до одолевшего нас приступа застенчивости. В общем после недолгих размышлений мы решили-таки зайти.

Дом при ближайшем рассмотрении оказался одноэтажный, каменный, с обнесенной заборчиком собственной крохотной территорией, на которой что-то неразличимое во тьме произрастало. (Точный адрес мы уже потом установили: улица Спандаряна, 23.) Поднялись на крыльцо, постучали. Открыл мальчик лет двенадцати и молча посторонился, освобождая нам путь. Мы вошли и сразу увидели то, чего не ожидали увидеть, — массу людей.

Две довольно обширные комнаты были заполнены, как зал ожидания в аэропорту. Темные в полумраке фигуры сидели на стульях, в креслах, на табуретках, импровизированных скамейках, какие обычно устраивают при изобилии гостей. Мужчины, женщины, дети, в основном дремлющие или молчащие (если и переговаривались, то немногословно и вполголоса), всего, может быть, человек двадцать.

Нас провели в одну из комнат и усадили за просторный, в полкомнаты, обеденный стол. Он был накрыт белой скатертью. Кроме стаканов и чашек, пустых и наполненных жидким чаем, на нем стояли три свечи в жестяных кружках и керосиновая лампа. Их свет мы и увидели с улицы через окно.

Вокруг стола собралась, видимо, наиболее активная часть обитателей и гостей этого странного дома. Сидели довольно тесно, некоторые пили чай, иные закусывали плавлеными сырками и чем-то еще столь же неприхотливым. Перед нами тоже поставили чай и предложили закуски, вызвав у нас острый запоздалый стыд — могли бы ведь догадаться привезти из Еревана что-нибудь посытнее!

Первым делом мы, конечно, поинтересовались: почему все в доме, под крышей — не страшно ли? Кто-то безнадежно махнул рукой — дескать, чему быть, того не миновать, от судьбы не уйдешь, так что нет смысла играть с нею в прятки. Кто-то объяснил, указывая на темный потолок, что, мол, в одноэтажном доме не столь уж и велик этот нависший над головами груз, но такое объяснение не показалось нам убедительным. Только открывший нам дверь подросток сказал откровенно:

— Страшно. Мы окна-двери не запираем, начнется снова — успеем выскочить...

И помимо прочего стало ясно, отчего большинство собравшихся не снимают пальто, курток и вообще верхней одежды, хотя в комнатах совсем не холодно.

Надо сказать, что появление корреспондентов центральной газеты (а мы сразу, конечно, представились) хотя и вызвало любопытство, но особой сенсации не произвело. Мы могли быть полезными этим людям лишь как источник информации по единственно интересовавшему их поводу: будут ли еще сильные, разрушительные подземные толчки? О том, что слабые толчки продолжались, все знали и без нас по едва уловимому покачиванию потухшей люстры и дребезжанию стекол. В первые полсуток сейсмологи насчитали несколько десятков таких толчков. Это мы и выложили, а ничего больше сказать не могли, так что хозяева дома быстро утратили к нам интерес. Но наш-то интерес к ним сохранялся: что за люди, почему собрались тут вместе, кому что довелось пережить и какие у кого планы на будущее?

Выяснилось, что перед нами в основном представители родственного "клана" — родные и двоюродные братья и сестры, их мужья и жены, дети, родители, племянники... "Ядро" составляют хозяева дома, но есть среди гостей и "просто" соседи, даже "просто прохожие", заглянувшие вроде нас "на огонек". Давно известно — вместе беду пережить легче, вот и "оброс" гостями этот очаг, сформировавшийся более или менее случайно. В этом, как нам показалось, и было дело, а вовсе не в том, что данная крыша чем-то надежнее других уцелевших крыш.

Вид у большинства людей был измученный, чтобы не сказать — подавленный. И разговоры велись практически об одном: кто погиб, сколько домов превратилось в руины на той или иной улице. Не поднимало общего тонуса и то счастливое обстоятельство, что все собравшиеся, а также и их отсутствующие в данный момент родственники остались целы-невредимы. Причем некоторые спаслись прямо-таки чудесным образом. Например, у Эдика Саркисяна, работника объединения "Анаит", одну из дочерей, студентку пединститута, завалило обломками буквально по плечи, к счастью, обошлось без серьезных травм.

Не все за столом хорошо говорили по-русски, но с нашим появлением хозяева и их гости перешли исключительно на русский язык — обычная для армянских семей подчеркнутая вежливость. Правда, разговор не особенно клеился. В ответ на нашу просьбу припомнить какие-то подробности, относящиеся к моменту толчка, кто-то рассказал: на бульваре четверо мужчин, взявшись за руки, тщетно пытались устоять на ногах. А Гарик Оганесян, в тот момент находившийся в своем

рабочем кабинете, по его словам, почувствовал себя будто в шторм на утлом суденышке: швыряло от одной стены к другой.

Гарик Оганесян оказался главным инженером Ленинаканской нефтебазы, где, как мы уже знали, сразу после землетрясения начался пожар, который удалось ликвидировать героическими усилиями местной пожарной части и самих работников базы. Конечно, и наш новый знакомый принимал в этом участие, но расспрашивать его о подробностях нам показалось неуместным. Потушили — и слава богу. На фоне общей трагедии пожар на нефтебазе — такая малость, если вдуматься...

Планы наших собеседников тоже не отличались особым разнообразием, а ограничивались ближайшими днями и сводились главным образом к проблеме эвакуации. Кого? Детей, разумеется. В одной из предыдущих глав мы рассказывали, как нам "ехалось" в ту ночь из Еревана в Ленинакан, о непрерывном потоке встречных машин, вывозивших из зоны бедствия (помимо раненых) прежде всего детей. На рассвете и мы включились в поток автомобилей, мчавшихся из Ленинакана к столице Армении. Сто сорок километров — не очень близкий путь, но по хорошей и относительно свободной дороге мы одолели его за час с небольшим. На приличной скорости "Волга" достаточно легко везет восьмерых. Особенно когда на всех перекрестках дают "зеленый". Четверо сидевших с нами ребят — то единственное, чем мы могли отблагодарить за гостеприимство хозяев дома на улице Спандаряна.

Надо ли объяснять, что, вновь оказавшись в Ленинакане, мы первым делом поспешили на эту же улицу? "Вновь" наступило ровно через двое суток — в ночь с 9 на 10 декабря. Та же темная гряда полудомов-полуразвалин на фоне звездного неба. Тот же по-деревенски уютный прямоугольник единственного окошка, озаренного оранжевым светом.

И обстановка практически та же. Комната, стол посередине и много-много стульев, занятых мужчинами и женщинами. Некоторые пытаются дремать, но большинство ведет негромкий, неторопливый, нескончаемый разговор. Пугливо колеблется пламя свечей и колеблются по углам причудливые тени. Пытаемся сообразить: что же все-таки изменилось? Вот — конечно! — никто не сидит в пальто. Хотя и не вполне ясно, почему — то ли нет больше страха, то ли стало слишком тепло, оттого что в углу (тоже новинка!) гудит, нагревая комнату, крутобокая печь, создавая немного странный, блиндажный какой-то уют.

Кто-то из женщин ставит перед нами стаканы с горячим чаем, пододвигает блюдо с нарезанным свежим хлебом, помидорами, острым армянским сыром. Вот оно, догадываемся мы, стол-то совсем уж не тот, что позавчера. Впрочем, причина

относительного изобилия нам известна: мы видели бесплатную раздачу продуктов питания в разрушенном городе и знаем — с этим в Ленинакане налажено. И все же нам видится иная, более глубокая и значительная перемена, происшедшая в самих этих людях. Будто голоса зазвучали покрепче и чайные ложки бодрее в стаканах зазвенели...

Подбрасывая в печку дрова, кто-то уронил на пол полено, и все, как по команде, устремили тревожные взгляды на люстру — не покачнулась ли? Значит, еще боятся... И все же мы чувствуем: люди действительно стали другими. Сами разговоры их — те и уже не те. Акцент сместился! Если тогда вспоминали почти исключительно о погибших, о разрушениях, то теперь и о тех, кого удалось спасти, об их шансах на успешное лечение. Как, например, обернется судьба той женщины, чьей-то знакомой, которой прямо на месте, среди развалин пришлось ампутировать зажатую панелями ногу? Долго ли еще продержится сравнительно теплая погода? Ведь для замурованных это вопрос жизни и смерти...

На сей раз настойчивыми, жадными вопросами забросали и нас. Почему до сих пор не хватает техники? Почему нет специалистов-спасателей? Правда ли, что отовсюду поступают средства в фонд помощи пострадавшим и в Армению спешат группы со спецснаряжением из-за рубежа? Как мы думаем, приедет ли в Ленинакан М. С. Горбачев? (Его визит в этот город начался на следующее утро.)

Вдруг обнаружилось: в Ленинакане — голод на информацию. Хлеб, керосин, палатки, минеральную воду, даже печки-"буржуйки" сюда стали завозить чуть ли не с первого дня, а вот о газетах почему-то не позаботились. Впрочем, тогда, по ходу нашего чаепития, эта всеобщая неосведомленность о происходившем в мире отчасти пришлась даже кстати, помогая развитию разговора. Наши новые знакомые втягивались в него тем охотнее, чем больше он касался их близких и отдаленных планов.

О ленинаканцах в Армении иногда говорят примерно с такой интонацией, с какой в России — о сибиряках: народ "особой закваски". Насколько это верно, судить, естественно, не беремся. Можем лишь засвидетельствовать присущую им духовную стойкость, "живучесть". Гулом неодобрения встретили сидящие за столом чью-то реплику:

— Это проклятое место, и здесь нельзя восстанавливать город...

Нет, ответили ему, здесь — могилы предков, и город должен быть именно здесь. Другое дело, что строить надо иначе.

Из разговора за чайным столом мы узнали удивительное: дом, под крышей которого происходило чаепитие, — один из немногих "по-настоящему" уцелевших в разрушенном городе — был не так давно приговорен исполкомом к сносу как

ветхое строение! В то же время десятки новых, современных построек обращены в руины. Почему же мы так беспечны, так торопливы и нерасчетливы?

Справедливости ради отметим: есть в городе и обратные примеры. Рассуждения о том, что, дескать, раньше умели строить надежно, а теперь разучились, отдают обывательщиной. Мы видели здесь (особенно на окраинах) немало зданий из сборного железобетона — и целехоньких. Конечно, их состояние нуждается еще в тщательной проверке, но люди-то остались живы! А с другой стороны — солидные здания из массивных туфовых блоков, о которых теперь можно говорить только в прошедшем времени. Многим памятна публиковавшаяся в "Известиях" фотография центральной части Ленинакана, вид с вертолета: дома, дома, а посередке — громада старинного собора, наполовину обращенного в прах. Где тут справедливость? Где закономерность?

Много парадоксов, много еще не ясного. Однако, говорили наши собеседники, Ленинакан будущего, тот, что возведут на месте развалин, должен быть застрахован от новых бедствий. И в трепетном свете трех свечек и керосиновой лампы пошла беседа о том, каким ему быть.

Ленинакан вчерашний начинал в ту ночь хоронить свои жертвы. И само название города звучало на весь мир погребальным звоном. А под одной из чудом уцелевших его крыш сидела группа измученных, измотанных физически и морально "счастливцев", пила чай, заедала его сыром и размышляла о Ленинакане будущем...

Понимаем: они не герои, хотя каждый делал и сегодня делает все, что может. Но они, точнее, и они тоже — тот самый народ, на помощь которому устремились и вся страна, и все человечество. И больше всего нам бы хотелось, чтобы читатель понял то, что поняли мы, с близкого расстояния вглядываясь в этих людей: при всех утратах, муках, неразберихе в них сохранился некий стержень, делающий человека человеком.

Творения его рук рухнули, в том числе и те, коими он мог гордиться. А сам человек выстоял, и жизнь продолжается. Не в этом ли главное?

КРАТКАЯ ХРОНИКА СОБЫТИЙ

7 декабря 1988 года

В 11 часов 41 минуту по московскому времени в Армении произошло землетрясение, уничтожившее город Спитак, разрушившее Ленинакан, Степанаван, Кировакан. Обращены в руины 58 сел на северо-западе республики, частично разрушено почти 400 сел. Погибли десятки тысяч людей, 514 тыс. человек остались без крова. Потери национального богатства составили 8,8 млрд рублей. За последние 80 лет это наиболее мощное землетрясение на Кавказе.

Для организации работ по ликвидации последствий стихийного бедствия созданы республиканская правительственная комиссия и всесоюзная правительственная комиссия, преобразованная в комиссию Политбюро ЦК КПСС. Ее возглавил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков.

Принимаются меры по организации спасательных работ, оказанию помощи пострадавшим, обеспечению людей кровом и продовольствием. Вместе с воинскими подразделениями и формированиями гражданской обороны в восстановительных и спасательных работах участвуют добровольцы. Из Еревана в зону бедствия устремляются первые колонны с техникой, бригады медиков, спасатели. Владельцы тысяч личных легковых автомобилей включаются в работу по эвакуации раненых.

Исполком Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР принимает решение оказать помощь пострадавшим, объединив усилия с Министерством здравоохранения СССР, которое направляет в Ереван специальную бригаду врачей.

Из Москвы в Армению вылетает первый самолет с грузом помощи. Пострадавшим высланы белье, палатки, медикаменты, посудо-хозяйственные товары и другие предметы первой необходимости.

Глава армянского правительства обращается к народу по республиканскому телевидению с призывом к мужеству, спокойствию и порядку.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев, находившийся в Нью-Йорке, принимает решение прекратить зарубежную поездку и возвратиться на Родину.

8 декабря

Утром в ЦК Компартии Армении состоялось совещание, в котором приняли участие прибывшие из Москвы члены комиссии Политбюро ЦК КПСС и руководители республики. Решено привлечь в районы бедствия дополнительные воинские формирования, в том числе инженерные подразделения, направить сюда мощную технику, автокраны, вертолеты повышенной грузоподъемности, обеспечить людей, оставшихся без крова, временным жильем, предоставить им значительное количество мест в домах отдыха и других здравницах страны, снабдить их теплой одеждой, с помощью армейских подразделений организовать для них бесперебойное горячее питание.

Для оказания помощи пострадавшим и ликвидации последствий землетрясения Жилсоцбанком СССР и Внешэкономбанком СССР открыты специальные счета.

Госснаб СССР установил непосредственные связи с предприятиями, выпускающими продукцию, необходимую в районах бедствия. Благодаря этому удалось оперативно организовать отправку в Армению более 130 тыс. утепленных палаток, столько же высокопроизводительных отопительных приборов, более 200 тыс. комплектов теплой одежды. В республику направлены сборные дома, временные жилые вагончики, передвижные электростанции, дорожно-строительная техника, грузовые автомобили, топливо, строительные материалы и оборудование.

Из братских союзных республик в Армению прибыли 450 горноспасателей.

В спасательных работах в зоне бедствия участвуют 6,5 тыс. военнослужащих, 25 бригад военных медиков, 400 единиц армейской техники.

Московская городская станция переливания крови приняла 1250 человек, пожелавших сдать кровь для пострадавших от землетрясения.

Комсомол Армении, взявший шефство над детьми, пострадавшими от стихийного бедствия, перечислил в фонд помощи 1 млн рублей, 5 млн рублей выделил ЦК ВЛКСМ.

Телеграммы с предложениями помощи поступают от молодежных организаций всей страны. Комсомольцы Грузии отрядили 500 человек для работ в Ленинакане, молодежь Украины отправила поезд с медикаментами и людьми. В Армению отбыл специальный поезд "Ленинский комсомол" Центрального Комитета ВЛКСМ.

Свыше 900 студентов Ереванского медицинского института заявили о том, что считают себя мобилизованными для оказания врачебной помощи пострадавшим.

Предоставить в распоряжение пострадавших от землетря-

сения в Армении свой профилакторий санаторного типа — такое решение единодушно приняли рабочие Ставропольского завода химреактивов и люминофоров имени 50-летия СССР. Аналогичные сообщения поступают со всех концов страны.

От политических и государственных руководителей, правительств и общественных организаций многих стран мира поступают телеграммы с выражением глубокого сочувствия и соболезнования.

9 декабря

В Армении объявлен двухдневный национальный траур.

Восстановлено железнодорожное сообщение с городами Спитак и Ленинакан.

В район бедствия прибыли дополнительно два инженерных полка и железнодорожная бригада.

В этот день в ликвидации последствий землетрясения участвовали более 20 тыс. солдат и офицеров. В работе задействовано более 1400 большегрузных армейских автомобилей, свыше 500 единиц дорожно-строительной и 80 единиц бронетанковой техники.

К утру в больницы Еревана из района бедствия доставлены 2516 человек. В течение дня 55 вертолетов вывезли только из Ленинакана более тысячи раненых.

Русская православная церковь направила на нужды пострадавших 1 млн рублей.

Фирма "Саймон карвс" (Великобритания), ведущая строительство в Ереване, передала все свое техническое оборудование (бульдозеры, краны, тракторы и т.д.) для ведения спасательных работ в зоне бедствия.

В Ленинакан из Марселя прибыла и приступила к работе группа военнослужащих ВВС Франции (60 человек), специализирующихся на спасении людей, заваленных обломками зданий. В ее распоряжении необходимая аппаратура и тренированные собаки.

10 декабря

День траура объявлен по всей стране.

В Ленинакан прибыл М. С. Горбачев. В тот же день руководитель Коммунистической партии и Советского государства провел в Ереване рабочее совещание, на котором были обсуждены необходимые меры помощи пострадавшим.

На 6 часов утра армейскими подразделениями в районах стихийного бедствия оборудовано 6 палаточных городков на 32 тыс. человек, роздано населению 7200 семейных палаток. Армия взяла на себя обеспечение пострадавших районов водой. Только в Ленинакане уже действуют 25 точек раздачи

воды. Военными медиками развернуты госпитали в Ереване, Ленинакане, Кировакане, где за жизнь людей борются 178 военных врачей. Военные летчики наладили постоянно действующий воздушный мост, связывающий Армению со всей страной.

Отовсюду поступают вести об отправке различного рода помощи пострадавшим от стихийного бедствия. Группа строителей, вооруженных техникой для проведения спасательных работ, отбыла в Армению специальным рейсом из Красноярска. Производственное объединение "Сахалинлеспром" снарядило 5 вагонов пиломатериалов. Коллектив Резекненского молочноконсервного комбината (Латвия) решил выпустить сверх плана и переслать в Армению 100 тыс. банок молочных консервов. Из Ворошиловграда в республику отправлены 10 тыс. кв. м оконного стекла, столько же стеклоблоков, 2,5 тыс. кв. м облицовочной плитки. Женсоветы Октябрьского и Фрунзенского районов Кишинева обратились к матерям города с призывом начать сбор детских вещей для отсылки в Армению. Около 5 т перевязочного материала, донорская кровь, системы для ее переливания, лекарственные препараты посланы в Армению специальным самолетом из Ташкента...

Расширяется безвозмездная помощь из-за рубежа.

Из Гаваны отбыл самолет с первой партией плазмы крови для пострадавших. Вместе с другими гаванцами свою кровь сдал Фидель Кастро.

"Армянский фонд помощи" в Нью-Йорке сделал взнос в 1 млн долларов для ликвидации последствий землетрясения.

В Ереван из ФРГ вылетела группа спасателей с дрессированными собаками. Из Кёльна отбыл самолет с палатками, медикаментами, плазмой крови. Доставку оплачивает федеральное правительство, а грузы отправляет немецкий Красный Крест.

11 декабря

М. С. Горбачев побывал в Спитаке и Кировакане. Перед отлетом из Еревана в Москву он дал интервью корреспондентам Центрального телевидения и телевидения Армении.

К вечеру этого дня на расчистке завалов в зоне стихийного бедствия работало 700 кранов большой грузоподъемности.

От станции Мыс Чуркин Дальневосточной железной дороги отошел состав, в который дополнительно включены 2 вагона-рефрижератора с рыбопродуктами для пострадавших от землетрясения в Армении. Курс на Ленинакан взял тяжеловесный состав со строительными материалами из Душанбе. Во многих городах страны прошли воскресники, участники которых отправили заработанные деньги в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

В Ереван прилетел американский бизнесмен Арманд Хаммер. Он привез чек на 1 млн долларов, медицинскую аппаратуру, медикаменты.

При подходе к аэропорту Ленинакана потерпел катастрофу советский военно-транспортный самолет Ил-76. Погибли 9 человек экипажа и 69 военнослужащих, спешивших на помощь братской республике.

12 декабря

В ночь на 12 декабря в районе Еревана разбился югославский военно-транспортный самолет с грузом медикаментов для Армении. Экипаж из 7 человек погиб.

На пресс-конференции в Ереване выступил председатель комиссии Политбюро ЦК КПСС Н. И. Рыжков. Он назвал цифры, характеризующие масштаб бедствия и объем материальной помощи, поступающей в Армению со всех концов нашей страны и из-за рубежа.

По данным на этот день, в Армению прислано палаток на 300 тыс. человек. Начата отгрузка 1,5 тыс. вагончиков для временного жилья.

Продолжается эвакуация женщин и детей из зоны бедствия. В здравницы Армении и других регионов страны выехали еще 7300 человек. Всего в профсоюзных санаториях, домах отдыха, пансионатах только Грузии, Украины и Краснодарского края РСФСР подготовлено около 60 тыс. мест для пострадавших от землетрясения.

Из столицы Болгарии в направлении Еревана вылетел третий воздушный лайнер. На его борту 8 т лекарств, одеяла, продовольствие, другие грузы для пострадавших.

Четыре самолета с медикаментами, медицинским оборудованием и другими материалами отправлены в Армению из США. Снаряжается еще несколько таких самолетов.

Во всех английских газетах опубликован номер счета Московского народного банка, на который можно переводить деньги в помощь пострадавшим в Армении. Вклады вносят крупные фирмы, простые англичане. Правительство Великобритании учредило специальный фонд помощи в 5 млн фунтов стерлингов.

13 декабря

Более 300 самолетов военно-транспортной авиации задействовано на доставке грузов в район землетрясения.

Общая сумма денег, перечисленных в фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении трудовыми коллективами и отдельными гражданами из всех союзных республик, достигла 40 млн рублей.

Ответственный сотрудник министерства иностранных дел

Италии В. Замбони, прибывший в Ереван во главе делегации от этой страны, заявил, что итальянское правительство решило полностью восстановить один из разрушенных городов или поселков Армении и готово направить группу технических специалистов.

14 декабря

За этот день удалось освободить из-под развалин 20 человек, извлечь 135 погибших. Общее число спасенных за 7 дней приблизилось к 15 тыс. человек. Установленное число погибших за это время — 21 775. Госпитализировано 5763 человека.

Продолжалось наращивание сил и средств, привлеченных для ликвидации последствий землетрясения по линии Министерства обороны СССР. На этот день было задействовано 20 тыс. человек личного состава, 770 единиц инженерной техники, 1,5 тыс. автомобилей. В постоянное пользование пострадавшим передано 5869 палаток более чем на 100 тыс. мест, много одежды. Армейские полевые кухни продолжали готовить горячую пищу. Развернута полевая магистраль для подачи воды в Спитак мощностью 2,4 тыс. куб. м воды в сутки. При расчистке завалов войсками собрано и сдано в соответствующие органы более чем на 800 тыс. рублей ценностей.

А вот лишь часть сообщений о помощи, продолжающей поступать из-за рубежа.

5 тыс. долларов, одежду, медикаменты, медицинское оборудование направила в Армению организация "Френдшип форс" (США). Груз медикаментов выслал Институт дружбы и культурного обмена "Мексика — СССР". Национальный совет Индийско-советского культурного общества и общество "Друзья Советского Союза" передали 70 тыс. одноразовых шприцев, несколько сот комплектов теплой одежды. Президент Всемирного совета церквей митрополит Паулос Мар Григориос выразил готовность оказать пострадавшим необходимую помощь. Общество "Австралия — СССР" собрало 3 тыс. долларов, закупило медикаменты и медоборудование, организовало сбор теплой одежды. Сотрудники представительств стран — членов СЭВ и его Секретариата решили перечислить в фонд помощи Армении свой дневной заработок.

16 декабря

Политбюро ЦК КПСС одобрило предложения Совета Министров СССР об оказании крупномасштабной помощи населению Армянской ССР.

ЦК КПСС принял постановление о выделении из бюджета КПСС целевым назначением 50 млн рублей в фонд помощи Армении.

На очередном рабочем совещании комиссии Политбюро ЦК КПСС отмечено, что ситуация в районах бедствия вступает

в новую фазу, когда по мере решения неотложных, чрезвычайных задач по спасению людей, обеспечению их кровом и продовольствием, поддержанию санитарного, общественного порядка на первый план выдвигаются и другие, более долгосрочные заботы. В их числе — обеспечение занятости мужского населения пострадавших районов, значительное пополнение местными кадрами строительных организаций в связи с резким расширением фронта работ, восстановление предприятий, поиск разлученных бедою детей и родителей, организация обучения на армянском языке школьников, эвакуированных из зоны бедствия за пределы Армении.

В течение дня из-под обломков извлечено 509 погибших. Один человек — в Спитаке — найден живым. На 16 декабря захоронено 23 286 жертв землетрясения.

18 декабря

В течение суток из районов бедствия в организованном порядке выехали 7640 человек. Половина из них — в здравницы и дома отдыха.

Министерство культуры Армянской ССР приступило к вывозу из зоны бедствия художественных ценностей.

В Армению прибыла группа сейсмологов из Франции. Вместе с советскими специалистами она примет участие в составлении сейсмокарты региона.

20 декабря

В пострадавших от землетрясения районах вышли первые после перерыва, вызванного стихийным бедствием, номера местных газет.

К этому дню родителями и родственниками были найдены более 500 разлученных с ними детей.

В Женеве 150 т грузов, предназначенных для Армении, принял на борт воздушный гигант "Руслан". Он доставил в Ереван утепленные палатки, передвижные радиостанции, электрооборудование.

В Ереван прибыла настоятельница Ордена милосердия, лауреат международной Нобелевской премии мать Тереза. Она заявила о готовности направить в Советский Союз сестер-монахинь для оказания помощи пострадавшим.

24 декабря

На внеочередном заседании Совета Министров СССР рассмотрены неотложные меры по оказанию Армянской ССР всесторонней помощи в ликвидации последствий землетрясения. В течение двух лет предстоит восстановить и построить вновь жилые дома общей площадью 4 млн кв. м в комплексе с объектами социально-культурного, бытового и торгового назначения.

По всем вопросам, связанным с оказанием помощи пост-

радавшим от стихийного бедствия, Совет Министров СССР принял конкретные постановления. В них предусмотрен общий объем затрат на осуществление мер по ликвидации последствий землетрясения, который, по предварительной оценке, составит 6 — 6,5 млрд рублей, в том числе в 1989 г. — 2 — 2,5 млрд рублей. Эти затраты будут уточнены по результатам проведения инвентаризации разрушений, вызванных землетрясением.

25 декабря

В Ереван прибыли сын и внук президента США Джорджа Буша. Самолет, которым они прилетели, доставил 40 т груза: медицинское оборудование, медикаменты, игрушки, детское питание.

1 января 1989 года

После 7 декабря в зоне бедствия ежедневно фиксировались подземные толчки небольшой силы, не вызвавшие новых разрушений. В первый день Нового года их было отмечено пять — в Ленинакане, Кировакане и Маралике. Самый сильный — 3,5 балла.

В зданиях, которые в результате землетрясения 7 декабря оказались в аварийном состоянии, начались взрывные работы.

11 января

Совет Министров СССР принял постановление "Об остановке энергоблоков Армянской АЭС и мерах по обеспечению энергоснабжения республик Закавказья". Первый энергоблок станции намечено остановить уже 25 февраля 1989 года, второй — 18 марта того же года.

17 января

В Ереване состоялось собрание партийно-хозяйственного актива Армянской ССР. На нем было, в частности, подчеркнуто, что коммунисты Армении с первых же минут возглавили работу трудящихся республики по выходу из трагической ситуации, показывая примеры самоотверженности на самых ответственных и трудных участках.

На собрании актива выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков. "Горе еще раз показало,— заявил он, — что мы сильны, когда мы вместе, что только на путях интернационализма и перестройки лежит решение всех, в том числе застарелых, проблем, преодоление любых бед и трудностей".

СОДЕРЖАНИЕ

Крушинский М. С., Проценко А. Д.

К84 Дни скорби и мужества: (Армения, декабрь 1988 г.). – М.: Мысль, 1989. – 91 [2] с.

ISBN 5-244-00458-1

День 7 декабря 1988 года навсегда останется в черном траурном обрамлении... Страшный удар обрушился на землю Советской Армении. Эта книга – о первых днях беды, когда в пострадавшие районы только начинала поступать помощь со всех концов нашей страны и из многих государств мира. Авторы – корреспонденты "Известий" М. Крушинский и А. Проценко – находились в те скорбные дни в зоне бедствия. Их рассказ – свидетельство очевидцев.

Для широкого круга читателей.

0803010300-052

К ―――――――― Без объявления **ББК 66.3 (2Ар) 6**

004 (01)-89

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

Михаил Сергеевич Крушинский,
Александр Дмитриевич Проценко

ДНИ СКОРБИ И МУЖЕСТВА:
(АРМЕНИЯ, ДЕКАБРЬ 1988 г.)

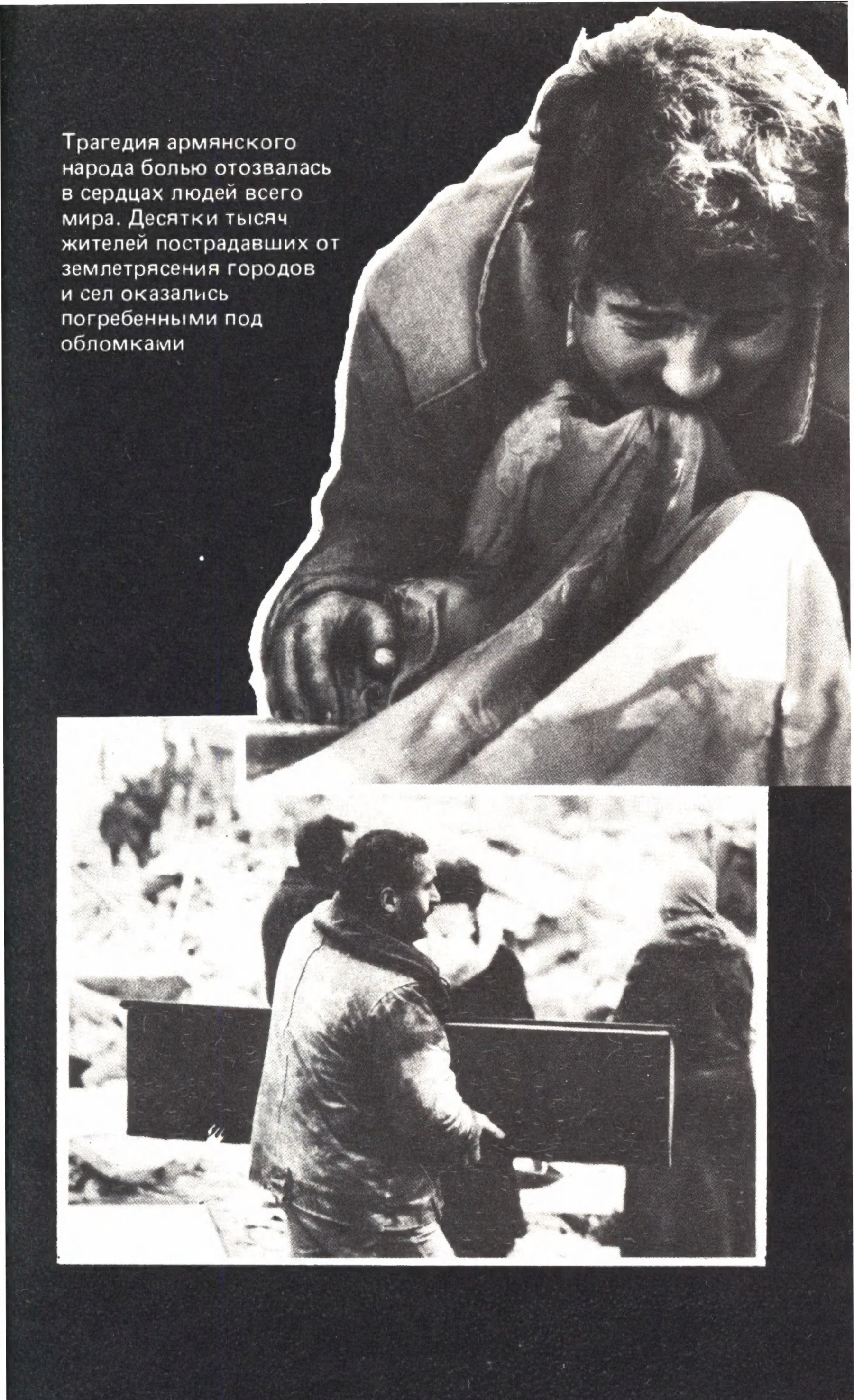
Редактор **Л. А. Кондарина**
Младший редактор **Е. П. Кириллова**
Художественный редактор **Г. М. Чеховский**
Технический редактор **Л. В. Барышева**
Корректоры **С. С. Новицкая, Т. М. Шпиленко**
Оператор наборно-печатающего автомата
Т. И. Фадеева

ИБ № 3947

Набор текста произведен в издательстве "Мысль" на наборно-печатающем автомате. Подписано в печать 09.02.89. А 10029. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Универс. Офсетная печать. Усл. печатных листов 5,04. Усл. кр.-отт. 5,37. Учетно-издательских листов 6,33. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1102. Цена 40 к.

Издательство "Мысль". 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
101898. Москва, Центр, Хохловский пер., 7.



Трагедия армянского народа болью отозвалась в сердцах людей всего мира. Десятки тысяч жителей пострадавших от землетрясения городов и сел оказались погребенными под обломками

40 к.



С первого дня в зону бедствия стала поступать помощь из братских союзных республик и многих стран мира. Одна за другой прибывали бригады медиков, горноспасателей и других специалистов, чтобы как можно скорее включиться в работу по спасению живых и оказанию помощи раненым